

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Манекен

Наталья Нестерова
Манекен (сборник)

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Манекен (сборник) / Н. Нестерова — «АСТ», 2015

Еще совсем недавно Нина была уверена в своем будущем. У нее благородная, хотя и не денежная работа – преподаватели не становятся миллионерами. Вскоре она выйдет замуж, ее мама не надышится на будущего зятя. И вдруг, как цунами: влюбилась в молодого человека с диковинной профессией, поссорилась из-за него с мамой и тут же узнала, что беременна. А у избранника есть... жена и дети. Драма не только у Нины. ИХ можно увидеть только под специальными приборами, но ОНИ живо реагируют на происходящее. ИМ есть из-за чего волноваться. Еще вчера об их существовании никто не подозревал, а сегодня от них уже хотят избавиться. Безмолвным свидетелям происходящего хочется подать голос, но их же никто не услышит! Остается только напряженно ждать. Взрослые – такие странные, не понимают простых вещей и делают одну глупость за другой. Так было всегда – сотни тысяч наших предков ежедневно выбирали, по какому пути пойти, даже не подозревая, какие огорчения и радости их ждут впереди... В сборник вошли роман «Сделайте погромче!» и рассказы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нестерова Н., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Сделайте погромче!	6
Глава 1	6
1	6
2	12
3	18
4	24
5	31
Глава 2	36
1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Нестерова

Манекен (сборник)

© Н.В. Нестерова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Сделайте погромче!

Роман

В материнской утробе, до появления на свет, человек знает абсолютно все про этот мир, ему открыта память предков. Но в момент рождения прилетает ангел и легонько бьет ребенка в ямочку под носом. Дитя все забывает. Поэтому, родившись, человек должен искать и открывать то, что уже знал.

Древняя притча

Глава 1

1

Шурка любит приврать и прихвастнуть. Утверждает, что помнит себя две недели назад. Наглая ложь! Две недели назад они представляли собой клеточку, различимую лишь под микроскопом. Да и сейчас каждый из них – не больше макового зернышка. Даже не знают – мальчики они или девочки. Хорошо бы, конечно, девочками родиться. И быть красавицами, как испанская бабушка Софья, жившая в шестнадцатом веке. Правда, мракобесы ее на костер отправили, посчитав бабушкину красоту дьявольской. Но в двадцать первом столетии никого за чудный лик и статную фигуру не сжигают. Напротив, как говорит папочка, это дополнительный бонус для жизненных успехов.

Ни папочка, ни мамочка пока об их существовании не подозревают. Но надо же как-то себя называть? Поэтому выбрали имена, подходящие к обоим полам, – Женя и Шура. И разговаривают они, не разжимая губ. Да и губ-то у них нет, а также глаз, носиков, ручек, ножек – все потом вырастет и прорежется. Спрашивается, как они могут общаться, если мозги отсутствуют? Кто ответит на этот вопрос, а заодно объяснит, каким образом кодируется информация о многих поколениях в микроскопической клетке, станет величайшим ученым. Но и не зная принципа работы телефона, можно разговаривать по нему сутками. Поэтому Женю с Шурой не волнует, почему они болтают, главное, болтают.

Хотя они спрятаны в глубине мамочкиного тела, всё, что происходит снаружи, отлично слышат и зрительно представляют, комментируют и обсуждают. Шурка, хвастунишка, по каждому поводу заявляет: а я бы тут лучше сделала, а я бы умнее поступила...

Вот сейчас мамочка сидит перед компьютером, раскладывает пасьянс, а Шурка возмущается:

– Зачем она пиковую даму на бубнового короля положила? Не видит в масть короля! Заново карты сдала, хотя еще три перестановки можно было сделать! Снова ведь не сойдется, я бы на ее месте не профукала!

– Ей не до карт сейчас, – выступает в защиту мамочки Женя. – Бедняжка! Накрасилась, джинсы новые надела, вчера за них ползарплаты выложила, а папочка не звонит. Мамочка уже два часа тупо пасьянсы раскладывает, а папочка ни гу-гу. Все-таки он у нас жестокосердный. Не находишь?

– Что я говорила? Не сошлось! Двадцатый раз! Просто злость берет, о чем она думает?

– О папочке. Точно жестокосердный, – продолжает свою мысль Женя, – почти как дедушка Казимир.

Всех своих предков они договорились называть просто бабушками и дедушками, потому что нелепо и долго «прапрапра...» твердить, в заику превращаешься. А самому первому дикому предку надо десять тысяч раз прапракнуть. Хотя о первых родственничках вспоминать неинтересно. Полуживотное существование. Пока догадались камень к палке привязать или огонь развести, столько времени убежало. Интересное начинается за несколько тысяч лет до новой эры в Южной Америке, Месопотамии, когда цивилизация проклюнулась. А дальше пошло такое кино – засмотришься!

– Польский Казимир, который с Отрепьевым-самозванцем в смутное время в Москве заправлял? – уточнила Шура.

– Он самый, двоюродный брат Марины Мнишек, в которую Гришка Отрепьев был влюблен без памяти, а она его использовала...

– Тот Казимир, – перебила Шура, – мучился жесточайшими головными болями. А его лечили тем, что к макушке лошадиный навоз прикладывали. Если бы мне на голову дерьмо положили, я бы тоже на людей бросалась.

– У тебя пока еще нет головы, – напомнила Женя. – И выражайся без грубостей!

– Смотри! Мамочка опять вальта зевнула!

– Не вальта, а валета! Мамочка русский язык преподает, а ты выражаешься, как дедушка Гаврила биндюжник.

– Он, между прочим, в Одесском порту первый силач был. И папочка в мужской компании тоже иногда выражается.

– Но тебе тут не пивнушка, а тихая девичья спаленка. И мы – не мужская компания, а две сестрички. Как ты думаешь, если бы мамочка тихонько подсмотрела или подслушала, какую папочка ненормативную лексику использовал, когда на Эльбрусе в трещину провалился, она бы его полюбила? Или в ужасе бежала подальше?

– Что ты все про любовь да про любовь? Надоела. Точно других тем нет. Вот, пожалуйста! Мамочка снова проиграла!

– Будто карты важнее любви мамочки и папочки!

– Женька, еще раз про любовь вякнешь, лягну!

– Чем, интересно? Были бы ноги или руки, я бы тебе первой врезала, чтобы не хвасталась. Еще родиться не успела, а уже самая умная. Гений в зародыше!

– Ну, погоди! Вот подрасту, тогда увидим, кто из нас старший!

– Ой, испугалась! Все равно старшим будет тот, кто первым родится. А я тебя ни за что вперед себя не пропущу!

– А я – тебя!

Споры о том, кто из них старше, и, стало быть, главнее, велись у них постоянно. И начались через три секунды после того, как они себя осознали, поняли, что двойняшки. Шурка сочиняла, будто помнит себя от зачатия, именно для того, чтобы выступить старшей. Правдивая, но упрямая Женька потакать сестре не желала.

Пасьянс не сходилась тридцатый или сотый раз, точно компьютерные карты были заговоренными. Нина посмотрела на часы в правый нижний угол монитора. Двадцать тридцать. Значит, она, расфуфыренная и наряженная, уже полтора часа тупо щелкает мышкой. Сергей не звонит. Где он сейчас? Очевидно, на высоте. В точном значении слова – на верхотуре. Висит на фасаде здания или на заводской трубе, монтирует рекламный щит на офисной башне или моет звезды Кремля. Сергей – промышленный альпинист. Нина и не подозревала о такой профессии до знакомства с ним. Она всегда боялась высоты и предположить, что есть люди, которые по доброй воле, подвешенные на веревках, будут ползать по стенам небоскребов, не могла. Они называют себя промальпы. Встречаясь, спрашивают друг друга: «Ты сейчас висишь?» – что означает: «Работа есть?» Глагол «висеть» у них самый употребительный. Еще они, шутя, называют свою работу сидячей и надомной. Потому что работают сидя и при этом висят на доме.

Нина с Сергеем познакомились, когда он повис напротив ее окна.

В квартире жарко. Отопление включили в конце октября, да сразу на большую мощность, словно требовалось сжечь неучтенное топливо перед ревизией. А наступили теплые дни. На улице плюс десять, в комнате – до тридцати, в открытые окна улетает дорого оплачиваемое тепло. Нина сидела за столом, проверяла письменные работы студентов. Уловила неясный шорох, повернула голову... и чуть не свалилась со стула. Напротив окна висел молодой человек! На седьмом этаже!

Конечно, Нина испугалась. Но ее мозг устроен так, что не терпит непонятностей и быстро подсказывает объяснения ситуациям, как бы ни абсурдны они были. Вот и тогда страх ударил по мозгам, и через секунду они выдали первое подвернувшееся толкование: молодой человек хотел покончить жизнь самоубийством, повеситься (веревки болтаются), накинул петлю на шею, вывалился в окно, что-то не рассчитал и поехал вниз по стене, затормозил у ее окна...

– Не надо! Подождите! – Нина сорвалась с места и бросилась к самоубийце.

Она схватила его за талию и стала втаскивать в комнату, при этом не переставала отговаривать несчастного от опрометчивого решения:

– Не торопитесь! Все наладится! Вам врачи, психологи помогут! Жизнь прекрасна!

Сергей потом говорил, что в его практике случалось разное. Один бдительный пенсионер после передачи, рассказывающей, как домушники спускаются на веревках с крыши и грабят квартиры, схватил его веревку и принялся резать острым охотничьим ножом. Сражаться с дедом было очень неудобно, словесные доводы (попросту – дикая брань) старика не убеждали. И перепилил-таки! Сергей повис на страховке, под ним было пятнадцать этажей.

Но чтобы девушка активно втягивала его в собственную квартиру? Хотелось бы предположить, что он мгновенно покорила даму своей мужественной красотой. Так покорила, что она почти взбесилась от страсти? При всех условиях ему ничего не оставалось, как подтравить веревку. Снаряжение у него профессиональное, веревка выдерживает несколько тонн, девушке не осилить, поможем.

Они барахтались на полу, куда Нина свалила «самоубийцу». Сергей практически бездействовал. Девушка-то оказалась с приветом! Ползала по нему, шарил руками по шее и твердила что-то про врачей и прекрасную жизнь.

Наконец Нина сообразила, что «самоубийца» неправильный: на шее петель нет, а веревки крепятся к большим кольцам на широком ремне. Да и выглядит молодой человек вовсе не так, как должен выглядеть отчаявшийся субъект. Никакой грусти, печали или безысходной меланхолии в глазах. Напротив, взирал на нее с насмешливой опаской.

– Как вы здесь оказались? – Нина прекратила поиски удавки на шее и стала на колени.

– Вы меня втащили, – справедливо ответил лежащий в позе черепахи кверху брюхом Сергей.

– А зачем висели напротив моего окна?

– У меня работа такая.

– Пугать людей, заглядывая в их квартиры?

– Иногда случается. Но вообще-то я промалып. Может, поднимемся?

– Куда поднимемся?

– В смысле: встанем на ноги. А то неудобно: вы на коленях, я навзничь.

Нина поднялась. Она работала преподавателем всего два года, но учительский тон освоила. Этим строгим тоном и спросила:

– Еще раз повторите: вы кто?

– Сергей.

Он тоже встал. Рассматривал ее, теперь уже с легкой жалостью: такая симпатичная и со сдвигом.

– Я не спрашиваю, как вас зовут, – преподавательский металл звенел в Нинином голосе. – Я спрашиваю, почему вы висели за окном?

– Обследовал фасад, чтобы понять, какие стыки требуют ремонта. Говорю же: я промалып.

– Пром... кто?

– Промышленный альпинист.

– Какой альпинист?

У Нины чуть закружилась голова: от пережитого волнения из-за ошибочного суицида, от того, что дурочку свалила, а парень, стоящий напротив, был очень интересным и очутился в ее комнате совершенно фантастическим образом. Она в его глазах, наверно, идиотка, каких поискать. Нина нахмурилась, мысленно приказала себе не раскисать, но выработанный учительский тон уже поддерживать будет трудно.

– Промышленный альпинист, – терпеливо повторил Сергей. – В вашем доме ремонт фасада. Дом стоит так, что строить леса или подвешивать люльки неудобно, поэтому пригласили нас – промышленных альпинистов, коротко – промалыпов.

– И что дальше? – спросила Нина, только чтобы спросить.

– Поменяем у вас водосточные трубы, заделаем стыки, покрасим фасад.

– Иными словами, я напрасно вас спасала?

– Никаких претензий! – заверил Сергей.

– Рассуждая здраво, промышленный альпинист, *промалып*, – это слово Нина произнесла с издевкой, с какой профессиональный филолог повторяет вульгарные неологизмы, – недалеко ушел от самоубийцы. Я приняла ваши действия за суицидальные корчи. Слово «суицидальные» понятно?

Сергей кивнул и улыбнулся. Похоже, с девушкой все в порядке, шарики и ролики у нее на месте. Приняла его за самоубийцу и бросилась спасать. Прикол! Надо будет сегодня описать этот случай на их сайте, где собираются смешные истории про альпинистов.

– Извините за причиненные волнения. – Сергей продолжал улыбаться.

И смотрел на нее так, словно ждал продолжения. Какого продолжения? Надо указать ему на дверь, то есть на окно. Пусть отправляется туда, откуда пришел. Правда, Сергей не сам пришел, она втянула. Чудовищная нелепость! Но почему-то не очень стыдно, и что еще удивительнее – не хочется его выпроваживать. Разум, он же ум, гордость, женское достоинство и прочие замечательные качества, конечно, вопили: немедленно выстави промалыпа вон! Медленным аристократическим взмахом руки покажи на окно, ткни указательным пальчиком (маникюр в порядке, вчера делала) и произнеси что-нибудь архаически благородное, вроде: «Соблаговолите покинуть мои апартаменты!» Апартаменты – про десятиметровую комнату в старой распашонке? Можно сказать «мое жилище» или «мою обитель». Все не годится! «Обитель» – и он примет ее за чокнутую. Уже принял? Почему не перестает улыбаться и выжидательно смотрит?

Разум подсказывал слова, конструкции из всех пластов лексики – от стародавних до современных. Но язык отказывался их произносить. Подчинялся эмоциям, возникшим не к месту, неожиданно и абсурдно. Да что особенного в этом индустриальном... нет – промышленном альпинисте? (Так, глядишь, у нас появятся и промышленные туристы, и промышленные следопыты.) Ничего особенного. Роста среднего, ближе к нижесреднему, худощавый и подозрительно юный. Моложе ее! Мальчишка лет восемнадцати. Минутку! Какое мне дело до его возраста? И потом... глаза у него совершенно не ребячьи, даже морщинки можно рассмотреть... Хватит рассматривать! Отвернись от него! Посмотри на любимый портрет Чехова. Антон Павлович говорил: «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой». Тогда почему мне не стыдно перед этим промалыпом, которого собственноручно затащила в комнату и ползала по его телу?

Тот участок мозга, который уже устал подсказывать ей достойные фразы для выпроваживания, вредно ответил: «Потому что молодой человек тебе нравится. Ты норовишь повернуться к Сергею левым профилем, который полагаешь самым выигрышным в своей внешности. Как не стыдно! Не слышать голос разума! Я возмущен. Зачем я тебе, глупой, дан?»

Все против нее: и Чехов, и собственное сознание!

Затянувшееся молчание прервал Сергей:

– Можно попросить у вас стакан воды?

До Нины не сразу дошла его просьба, понятийный аппарат почему-то буксовал, смысл доходил с задержкой. Зато она могла гордиться холодно (кажется, у меня получилось холодно?) произнесенным ответом:

– В стакане воды не отказывают даже умирающему.

– Вообще-то я хотел бы еще пожить.

– Как вам будет угодно. Воды газированной, минеральной, кока-колы, спрайта, фанты, морса клюквенного, брусничного, клубничного?

«Что я несу? – мысленно ужаснулась Нина. – Ничего подобного у меня нет. Мамой сваренный компот допила еще час назад».

Ассортимент предложенных напитков удивил и Сергея. Его брови полезли вверх:

– У вас все это имеется? Как в ресторане?

– Нет, – Нина снова посмотрела на Чехова, словно ища у него поддержки. Антон Павлович промолчал, но его всегдашняя мудрая грусть в глазах призывала не суетиться. – Ничего не имеется. Могу предложить только кипяченую воду.

– Прекрасно, обожаю кипяченую воду! – с ненатуральным энтузиазмом заверил Сергей.

И снова Нина могла себя похвалить: выходя из комнаты, она произнесла саркастически (надеясь, он уловил сарказм):

– Кипяченую воду ягодным морсам предпочитают только хронические язвенники.

На кухне отсутствовала и кипяченая вода. Кувшин, в который ее сливали, был пуст, на дне чайника плескалось чуть-чуть – больше частичек накипи, чем воды. Налить из крана? Любой язвенник отличит сырую воду от кипяченой. А нечего с больными желудками по стенам ползать и граждан пугать!

Вот незадача! Попросил человек воды, а ты ему такой малости дать не можешь! Нина распахнула холодильник, присела, передвинула все банки с домашними консервами. Будто за маринованными грибами, солеными огурцами и овощными салатами могла прятаться бутылка с колой или фантой. Что, если разбавить клубничное варенье холодной водой? Почти компот. Нет, он любит кипяченую воду. Где ее взять? Кипятить – добрых десять минут, да и горячую принести – полное издевательство. Мог бы попросить чаю или кофе – это запросто. Вернуться, спросить: «Не желаете чашечку кофе или чаю?» Еще не хватало! Подобный вопрос легко принять за приглашение к дальнейшему знакомству. И если бы Сергей стал напрашиваться на чай-кофе, Нина быстро показала бы ему на дверь... тьфу ты, на окно.

На пустом месте возникла проблема. Нина металась по кухне, распакивала шкафчики, зачем-то заглянула в отсек, где находилось мусорное ведро, дважды обследовала холодильник... «Воды в доме нет, когда судьба решается?» – издевательски поинтересовался внутренний судья-разум. Нина приказала ему не насмехаться, а дать хороший совет. И, будто в ответ на ее просьбу, взгляд остановился на пластиковых литровых бутылках, в которых мама держала воду для полива цветов. Вода отстоянная, будем считать ее аналогом кипяченой...

Девушка, отправившаяся за стаканом воды, пропала. Минуту ее нет, вторую, третью. От нечего делать Сергей стал оглядываться. Комната небольшая, метров десять. Мебель старенькая. Тахта, на ней вдоль стены батарея мягких игрушек: зайцев, собак и прочих мишек. И не лень девушке каждый вечер убирать эту братию, а утром на место сажать? Ему, например, в лом даже постель застилать. Мама вечно бурчит: хоть накрой пледом! А зачем, если его целый

день дома нет? Два бессмысленных действия – постелить плед и убрать – взаимосокращаются. Стеллажи с книгами, фото в рамках на стене, похоже семейные, но среди них Чехов. Письменный стол, отполированный локтями, похож на его собственный – покупали, когда в первый класс шел. Монитор компьютера и клавиатура почти все место заняли. На столе рассыпаны листочки, коряво написанные от руки тексты с исправлениями красным. Сергей взял один в руки. Почитал, присвистнул, отложил, взял второй, третий...

Все-таки эта девушка недалеко ушла от психбольницы. Только умалишенный мог написать: «Аднажды меня заболел выступающий боль и пришло хныканье. Я боялся доктор местами которыми в детстве проникали уколы. Но русский доктор была нежный и я возвысился. Доктор много хорошо писи мне рецепт. В аптеке я плачит в касса и дают любезные пилюли. Теперь я здоровый и похожий крупный рогатый скот».

– Такое нарочно не придумаешь! – рассмеялся Сергей.

Или вот еще: «Сосинение «В магазине». Я всегда лублю разные ботинки. Поэтому меня пошла в магазин и отуфлился. Потом я сильно хотел поедать продукты еды. Я прибыл в магазин для мяса, колбасы, салделек и других сисок. Русская еда мне лубовна. Особенно пелмень и океанская рыба в снегу. После пищеного магазина моя пошла товарить блюки и другие рубашки. Очень дарагая поэтому я не купленный а толко кусать коленки».

Когда девушка вернулась в комнату, Сергей, сдерживая смех, постарался придать лицу сочувственное выражение:

– Вы с дебилами работаете? – Он показал на листочки.

– Почему с дебилами? – удивилась Нина, протягивая стакан воды. – С иностранцами я работаю.

– С больными на всю голову иностранцами?

– Да нет же! Они большей частью психически здоровы. Студенты. Приезжают в Москву, один год учат русский, потом поступают на первый курс института. Моя специальность называется преподавание русского как иностранного. Не так романтично, конечно, как промышленный альпинизм.

Сергей пропустил шпильку мимо ушей, поинтересовался:

– За один год можно выучить русский настолько, что освоишь программу института?

Вопрос бил точно в цель, и ответ на него был очевиден. Но Нина не желала давать в обиду своих студентов. Перешла в нападение:

– Если вас попросить написать диктант, то вы не сделаете в нем ошибок?

– Кучу ошибок сделаю, – подтвердил Сергей. – Но я никогда не стал бы сравнивать себя с крупным рогатым скотом и кусать коленки в магазине, – показал он на работы, лежащие сверху.

Нина взяла листок, прочла и пояснила:

– Эти студенты хотели употребить идиоматическое выражения «здоров как бык» и «кусать локти». Само по себе стремление осваивать фразеологизмы исключительно положительное. Владение идиомами показывает уровень освоения языка.

– Ага! – улыбнулся Сергей. – У меня тоже несколько раз были ситуации, когда от русского остались одни идиомы. Как вас зовут?

– Нина.

– Спасибо за воду, Нина! Очень вкусно.

Сергей вернул пустой стакан, а его благодарность почему-то вызвала странную реакцию: Нина испуганно округлила глаза и переспросила:

– Вкусно?

Ей пришла в голову мысль: вдруг мама насыпала в отстаиваемую воду удобрение? И она, Нина, отравила скалолаза.

– Цветочкам тоже нравится, – пробормотала Нина. – Вы, Сергей, заглядывайте как-нибудь.

Приглашение объяснялось исключительно сознанием вины за возможный причиненный вред здоровью промальпа. Хотя трудно представить промышленного альпиниста, ползающего по стене высотного дома и страдающего расстройством желудка. Последняя анекдотическая мысль вызвала улыбку.

«Интересная девушка, – подумал Сергей. – Симпатичная, и лицо меняется каждую минуту. Хмурится, смеется, то как училка говорит, то как прогульщица. Так бы смотрел и смотрел: что появится на этой мордочке через секунду».

– Загляну, – пообещал он.

Отдал салют рукой, подошел к окну, вывалился в него и исчез. Будто человек-паук.

Сергей появлялся в ее окне почти ежедневно. Спрашивал, есть ли минутка поболтать, они пили чай или морс, от бутербродов Сергей тоже не отказывался. Потом стали обедать вместе. Нина его ждала. Сергей, как водится, входил через окно, отстегивал свои веревки, мыл руки, и они обедали, растягивая прием пищи на два часа.

2

Нина ждала звонка, но, когда телефон затренькал, испуганно вздрогнула, быстро схватила трубку, опомнилась, отсчитала пять звонков и только тогда нажала на кнопку ответа, лениво протянула:

– Ал-ло!

– Нина? Привет!

– Ваня? – Нине не удалось скрыть разочарование, да и не пыталась.

Шура и Женя одновременно скривились. Точнее – они бы досадливо скривились, имей физиономии. Но и так друг друга поняли. В отрицательном отношении к Ване они были полностью единодушны. Шура выражала свое неприятие безапелляционно и грубо, а Женя философовала и находила объяснения действиям Вани.

– Липнет как банный лист! – заявила Шура.

– Его тоже надо понять. Они с мамочкой с детства жених и невеста. Еще на горшках сидели, а родители их уже в шутку сватали.

– Мало ли с кем придется без штанов в детстве общаться! Это не повод замуж выходить. Просто дедушка с бабушкой дружили с Ванькиными родителями, вот и зомбировали мамочку: ах, какой Ванечка славный!

– Он и сам от мамочки всегда был без ума.

– Ага, ума у него не осталось, – буркнула Шура.

– Неправда. Надо отдать Ване должное: интеллект у него выше среднего. Школу закончил с медалью, биофак университета с красным дипломом, диссертация на подходе...

– Хочешь сказать, что наш папочка рядом с ним необразованный олух?

– Ничего подобного я не говорила! Наш папочка абсолютно несравненный! Просто надо быть справедливыми. Главное же, что Ваня никогда не возбуждал в мамочке чувственности.

– Чего не возбуждал, того не возбуждал, – согласилась Шура.

– А папочку мама только увидела...

– За окном, – вставила Шура.

– Только увидела папочку, и сердце ее пламенно забилося, дыхание перехватило, она почувствовала никогда прежде не испытанное ощущение...

– Выражаешься как бабушка Наташа, которая строчила идиотские сентиментальные романы, а их никто не печатал. Мамин любимый Чехов, живший в одно время с бабушкой Наташей, говорил, что таких беллетристок надо лупить до смертельного исхода пресс-папье по голове.

– Антон Павлович лично с бабушкой был очень галантен.

– Ага, он за пытку чтением своих опусов прибил ее руками героя в рассказе «Драма». Дословно помню, что публицист «приподнялся, вскрикнул грудным неестественным голосом, схватил со стола тяжелое пресс-папье и, не помня себя, со всего размаху ударил им по голове Мурашкиной...»

– Бабушкина фамилия была Семашкина.

– Намек прозрачен! В «Ионыче» Чехов вывел бабулю в образе провинциальной графоманки, терзающей гостей чтением свежесочиненных бредней. А когда Ионыч спрашивает ее, печатает ли она свои произведения, бабушка, в смысле героиня рассказа, отвечает: «Зачем? Мы не нуждаемся!»

– «Мы имеем средства», – поправила Женя. – Точно цитируй, если берешься. Да, дедушка Владимир, вице-губернатор, прекрасно обеспечивал бабушку и пятерых детей.

– За счет взяток, которые брал направо и налево. Мзду называл «мздя». Вечером складывал банкноты в шкатулку и припевал: «Мздя, мздя, мздянущка!»

– Но его сын, наш дедушка Коля, стал революционером, с Лениным в эмиграции был.

– Они в Швейцарии отлично времечко проводили. Идеями горели и плоть не истощали.

Поскольку собственная жизнь Шуры и Жени была еще в далеком проекте, им ничего не оставалось, как перемывать косточки предкам да отвлекаться на события, в которых участвовала мамочка. Сейчас во внешнем мире ничего интересного не происходило. Мамочка вяло не соглашалась идти в кино с Ваней, он нудно мамочку уговаривал. С точки зрения Шуры, надо было послать Ваню подальше. Женя не соглашалась: разбрасываться ухажерами недальновидно. Да и лучшего друга для мамочки, чем Ваня, не сыскать. Тем более что в последнее время Ваня прекратил наскоки на мамочкино тело, не лез целоваться и обниматься. Выжидает, хочет измором взять, то есть демонстрацией своей верности и преданности.

Женя принялась вспоминать, как мамочка совершила попытку сходить замуж за Ваню. Они и заявление в ЗАГС подали, бабушки и дедушки живущие были счастливы. Мамочка крепилась и все ждала, что Ванины поцелуи разбудят в ней то, что так прекрасно описано в книгах. Но вместо сладостного возбуждения испытывала только нарастающий протест и отвращение. Мамочка не хотела ненавидеть Ваню, потому что по-человечески его очень любила, ценила, уважала, давно к нему привыкла, срослась в мыслях и биографиями. Уже платье свадебное купили (до сих пор в шкафу пылится), ресторан заказали, приглашительные открытки писали, когда мамочка неожиданно (для Вани и бабушек-дедушек неожиданно, а сама она давно мучилась сознанием предстоящей роковой ошибки) заявила:

– Нет! Свадьбы не будет!

И принялась рвать открытки одну за другой.

– Почему не будет? – опешил Ваня.

– Потому что я еще не готова.

– Но ведь платье купили, – «умно» заметил интеллектуальный Ваня.

– Я не готова морально.

Ваня стал допытываться, о какой морали идет речь. Мамочка хотя и желала быть предельно откровенной, все-таки не могла сказать: меня мутит от твоих прикосновений, тошнит от поцелуев, с тобой в постели я себя чувствовала как на операционном столе, будто меня без наркоза препарируют. Мамочка боялась оскорбить Ваню, который не заслуживал обидной правды. Она знала, как долго мечтал он об этой близости. В детстве, еще не понимая толком, в чем близость будет заключаться, мамочка чувствовала, что может подарить Ване осуществление его мальчишеских грез.

Ваня желал глазами. Краснел и задыхался, если мамочка при встрече после каникул бросалась ему на шею или просто, ни с того ни с сего, чмокала в щеку. Ваня опровергал все теории о растленных нравах современной молодежи. Он решился на объятия и серьезные поцелуи, когда мамочка заканчивала первый курс университета.

Ваня трепетал, а мамочка сказала почти весело:

– Наконец-то! Ванька, ты динозавр! По твоей милости я бы до седых волос дожила нецелованной.

Однако ни первый, ни последующие опыты никакого счастья мамочке не доставили. Напротив, они гасили желание быть обласканной, естественное для каждой девушки ее возраста. Будто Ваня не родной, близкий, любимый, а первый встречный. Иногда мамочку посещали крамольные мысли: с первым встречным, возможно, было бы приятнее.

Чаще всего сексуальные проблемы партнеров происходят из боязни или стыда одного сказать другому о своих предпочтениях или эротических мечтах. Мамочка об этом читала, соглашалась, но язык не поворачивался сказать Ване: не сопи, как паровоз, и не соси мою грудь, как теленок коровье вымя.

Когда мамочка объясняла Ване, почему в данный момент не может выйти за него замуж, она выкручивалась и несла околесицу. Ваня ничего не мог понять, да и никто бы не понял, почему девушка чудит. Но надо отдать Ивану должное – он пошел навстречу капризам невесты, согласился отложить бракосочетание и предложил, не расписываясь, пожить вместе, как многие делают, проверяют себя на супружескую совместимость.

– Ты с ума сошел! – возмутилась мамочка.

Ей-то проверять ничего не нужно было. А Ваня много дней обдумывал: какой такой моралью руководствуется Нина? Трижды отдаться ему (каждый раз – большое его счастье), а потом вдруг вспылать девичьей стыдливостью и неприступностью?

Женя рассуждала об отношениях мамочки и Вани, которые совершенно не интересовали Шуру, анализировала в подробностях, пересказывала давние события, смаковала очевидные вещи. Шура не препятствовала этому словесному извержению по простой причине – задремала под бормотание сестры. И очнулась, только когда зазвонил мамочкин сотовый телефон.

На дисплее высветилось: «Вызывает Сергей», и Нина невольно воскликнула:

– Наконец-то!

– Что? – не понял Ваня.

До этого Нина устало тянула: «Ну, не знаю. Сомневаюсь, что «Парфюмера» Зюскинда можно экранизировать без основательных потерь... – а потом вдруг энергично и резко воскликнула: – Наконец-то!»

– Я ждала звонка завкафедрой, – на чистом глазу врал Нина. – У него моя статья. Извини, Ванечка, отключаюсь. Целую! Пока!

Она взяла тренькающий и вибрирующий сотовый телефон, который в данный момент напоминал едва ли не живой организм, способный к общению. Во всяком случае, Нина ему сказала:

– Как ты меня измучил!

Весь вечер она планировала, что ответит Сергею с ленцой, ни в коем случае не покажет, что промариновалась, ожидая его звонка. Отрепетированный тон получился, когда позвонил Ваня. Но сейчас все планы рухнули.

– Сережа! – простонала Нина, нажав кнопку ответа. – Где ты? Сколько можно?

– Нинон! Извини, не мог вырваться раньше. Подгребай к «Приюту», лады? Там все наши собрались, завтра на Алтай отбываем.

– Завтра на Алтай, два месяца назад сплавлялись по какой-то дикой реке в Западной Сибири, зимой опускались в абхазские пещеры, весной карабкались на Кавказские горы...

– Ага, на том стоим.

– Вам нужно донорами работать, адреналин сдавать для лечения меланхоликов.

– Сообщи, если услышишь, что такие пункты открыли. Ниночка, придешь? Пожалуйста!

Надо было бы поломаться, чтобы Сережа поугovarивал, пусть не так длительно и навязчиво, как Ваня только что, но хоть немного. Вместо этого Нина, в благодарность за «Ниночка» и проникновенное «Пожалуйста!», с торопливой готовностью согласилась:

– Еду! Через полчаса буду.

– Жду. Общуй!

Что означало: обнимаю, целую!

Нина, профессиональный филолог, к издевательствам над родным языком относилась резко негативно, а Сереже прощала и примитивный сленг, и доморощенные контаминации, и вульгарные аббревиатуры. Чего не может простить женщина любимому мужчине? Только того, что он ее разлюбит.

Короткое Сережино «Жду!» оказало действие игристого шампанского, влитого непосредственно в артерии. Точно кровь в ее сосудах чахла и стыла, а теперь забурлила, побежала быстро и весело, раскрасила щеки румянцем, добавила блеска в глаза, губы затрепетали в ожидании встречи с его губами, движения стали грациозными и соблазнительными. Все это, торопливо собирая сумочку, обуваясь, выскакивая из квартиры, Нина чувствовала в себе – и трепет губ, и плавность рук, и румянец, и свет в глазах. Более того, ощущения мысленно описывались словосочетаниями, пригодными лишь для бульварного романа, вроде встречи губ влюбленных. Пусть! Быть влюбленной – замечательно! Потому что твое собственное тело приобретает потрясающие свойства и ощущения.

«Приют одинокого альпиниста» – кафе, в котором собирались промальпы. Хозяйева кафе думали, что именуют заведение в честь романа Стругацких. Когда им сообщили, что книга называется «Отель “У Погибшего альпиниста”», они велели убрать портреты писателей из оформления интерьера, но переименовываться не стали – «у погибшего» не годится для приятного местечка. Оно уже стало популярным у альпинистов, парашютистов, промальпов и прочих экстрималов – людей малопьющих, не буйных, но денежных. Вся эта братия на низложение Стругацких отреагировала культурно и жестко. Сказали бармену и официанткам:

– Кумиров на стенки верните. Или мы найдем другую стоянку.

Когда Нина впервые познакомилась с друзьями Сергея, они вызвали у нее удивление. Они жили странной, параллельной бытию всего остального общества жизнью. Сектой, кланом или закрытым клубом их не назовешь, потому что ни к какому позиционированию, особому противопоставлению себя другим ребята не стремились. Просто на других не обращали внимания. Равно как и на то, что волнует большинство – политика, игры патриотов и злодеяния террористов, безобразия на дорогах и засилье дураков во власти, коррупция и беззаконие; все модное: одежда, автомобили, компьютеры и сотовые телефоны, спектакли и фильмы, телесериалы и книги – оставляло их по большому счету равнодушными. Кто-нибудь мог сказать: «Отличную вещь прочитал», – вытащить из сумки книгу и дать товарищу, но представить, что друзья Сергея бросятся читать модный гламурный роман только потому, что роман у всех на устах, что не прочитать его – значит выпасть из культурного мейнстрима – это представить невозможно. У них отсутствовало базовое качество современного городского жителя – страх отстать от общих интересов и тенденций. Нина никогда не встречала стольких людей без бравады и утрирования, естественно существовавших вне стандартных клише.

Хотя Нина бывала в разных компаниях. Ее подруга Алиса вышла замуж за немолодого и очень богатого человека. Муж Алису баловал неукротимо и изобретательно. Что там виллы и бриллианты! Он купил ей роль в телесериале! На крупных планах Алиса, благодаря мастерству оператора, вышла изумительно красивой – такой, что даже отсутствие актерских способностей прощалось, тем более что роль была второстепенной. Нина несколько раз приходила в гости к подруге, когда на домашние праздники собирались коллеги и знакомые мужа Алисы с супругами. «Бедные несчастные миллионщики» – таков был вывод Нины. Абсолютно зависи-

мые, пристукнутые бизнесом люди. Создается впечатление, что большая часть сознания у них ушиблена и безостановочно что-то высчитывает и планирует. Малая часть, которая в данный момент ведет светскую беседу, выдает банальное и неинтересное. Беседы жен богачей – плохо замаскированное состязание в тщеславии.

Другая компания, в которую однажды Алиса затащила Нину, актерская – коллеги по сериалу и примкнувшие кумиры телеэкрана. Красивые, стильные, ловкие, как на подбор отшлифованные, продуманные в каждом движении, в повороте головы или во взмахе руки. Они играли даже в простой дружеской компании! С детским интересом испытывали себя – а вот сейчас я расскажу новый анекдот и в кульминационном моменте изображу такую-то гримасу. Нет эффекта? Тогда другой анекдот и другая гримаса. Это было общество баловней судьбы, поклонявшихся фортуне, страшившихся ее и одновременно алчущих от нее королевских подарков. Парни из-за чрезмерного жеманничанья выглядели женственно. На экране каменно стойкие милиционеры или дуболомные бандиты, в жизни они были изнеженными созданиями, способными легко зачахнуть без лучей славы. Очаровательные как экзотические бабочки, настроенные на высокую ноту изображаемых реакций, с демонстрируемо оголенными нервами, они могли возбудить фанатичную любовь толпы. Но конкретно Нинину любовь – вряд ли. Она не была падка на модных идолов и на слепую платоническую привязанность не способна. Нина улыбалась, активно реагировала на шутки, но с таким же энтузиазмом она выслушивала, как соседский трехлетний Петенька читает «Мойдодыра».

Женственность артистов объяснима. Актерство – игра на клавишах эмоций. А женщины природно эмоциональнее мужчин. Недаром ведь говорят: актриса – больше, чем женщина, актер – меньше, чем мужчина. Подъеденный тщеславием молодой человек не мог увлечь Нину, купаться в лучах чужой славы она не мечтала.

Хотя она никогда четко не формулировала своих требований к избраннику, но это должен быть на девяносто девять целых и девять десятых процента носитель-обладатель истинных мужских качеств. Одна десятая процента – немало, длинный ряд неудобств, начиная от грязных носков под кроватью и заканчивая просмотром футбольного матча с пивом, приятелями и дикими возгласами, когда ты лежишь в соседней комнате, сраженная мигренью, предменструальным синдромом, и на завтра нет целых колготок, последние порвались. Одна десятая – каждодневное испытание, к которому Нина была готова. Девяносто девять и девять десятых – это база, на которой только и может строиться семья, рождаться дети. О детях Нина не думала, то есть подкоркой думала неизбежно и постоянно.

Ни бизнесмены, ни артисты, ни университетские друзья Нины или Вани не могли похвастаться абсолютной независимостью суждений и свободой от общественного мнения. Приятели Сергея и он сам обладали этой свободой, на взгляд Нины, в зашкаливающей степени. Однажды ее возмутило, когда о зверском террористическом акте упомянули едва ли не с насмешкой, как о природном явлении, вроде шаровой молнии или цунами. Мол, случается, молнии катят по земле и гигантские волны на берег обрушиваются.

Нина не стала скрывать своего негодования. Ее пламенную речь выслушали молча, спасибо – плечами не пожали. Ответил Вадик, близкий друг Сергея:

– Как бы ты отнеслась к тому, что ежедневно самолет, в котором находится двести ребятшек, разбивается о скалу и все дети погибают?

– Мизантропический бред! Как можно к нему относиться?

– Но именно столько детей в Африке ежедневно погибает от малярии. О жертвах от автомобильных аварий на дорогах вообще говорить не приходится. Их число в тысячи раз больше, чем от террористических актов. Почему африканский ребенок хуже бесланского? Беременная женщина, погибшая под колесами пьяного урода, или другая, выкинутая в окно Буденновской больницы обкурившимся басаевцем – между ними есть разница?

– Разница в том, что пьяный водитель не желал смерти женщины, а террорист убивал сознательно.

– Но результат одинаков.

Вадима поддержал Сергей:

– Террор – от слова «страх». Задача террористов запугать нас. Если мы боимся их, говорим о них, трепещем – значит, служим достижению их целей.

Нина поняла, что спорить бесполезно. И ее поразила цифра – две сотни ежедневно гибнущих африканских детей. Дома она проверила в Интернете. Так и есть! Поделилась страшным открытием с Ваней. Но его смерть безвинных младенцев не взволновала. Принялся рассуждать о том, что высокая смертность в Африке и Юго-Восточной Азии – это своего рода природный механизм регулирования народонаселения.

Никому не жаль бедных детишек! И преступно бездействует ООН! Нинино возмущения хватило на два дня, когда она доносила свою тревогу и возмущение до коллег и друзей, а через неделю Нина уже не вспоминала о несчастных жертвах. Как у остального человечества, ее память на чужое горе была короткой.

Нина загадала: Сергей будет ждать ее на углу. Стратегически верный пункт, рядом подворотня и темный двор, там можно целоваться, не шокируя прохожих.

Так и получилось. Нина повисла на шее Сергея, словно после долгой разлуки. Он приподнял ее за талию, закружил, понес во двор...

Ах, как хорошо! Как хорошо, когда счастье оказывается даже лучше его предчувствия! Вот так бы никогда не покидать его объятий, не отрывать губ...

– Ур-р-р! – мурлыкала от удовольствия Женья.

Благодаря мамочкиным положительным эмоциям они получали изрядную дозу вкусеньких гормонов.

– Сейчас пойдут в бар, где накурено. – Шурка не могла не отравить сладкого момента. – И еще пиво пить будут! А потом музыка врубится.

Громкую, ухающую на низких частотах музыку двойняшки не любили. Она оказывала на них то же действие, как если лупить человека по голове диванной подушкой – убить не убьет, покалечит вряд ли, но приятного мало.

– У нас мозг только закладывается, – ворчала слегка охмелевшая от мамочкиных гормонов Шура. – Ему вредно сотрясаться.

– Один мозг на двоих? – хихикнула Женья.

– На двоих растет, но мне одной достанется. Я уже чувствую, что придется вечно за тебя решать и отвечать.

Жене спорить о том, кто старший и главный, сейчас не хотелось.

– Только посмотри, – проворковала счастливо она, – какой у нас папочка красивый и сильный! И пахнет от него так вкусно!

– Потными подмышками тянет, душ принять после работы не успел, одеколоном протер.

– Папулечка мой любимый! Как мы без тебя соскучились!

– Он даже не подозревает о нашем существовании.

– Ну и что? В том, что мы полюбили его раньше, чем он нас, есть даже нечто... – Женья не могла подобрать слово, – нечто сакральное.

– Какое?

– Вечно святое. Скажешь, что не любишь папу?

– Побольше тебя!

– Больше невозможно! – пафосно изрекла Женья.

– Мой папочка – отличный мужик!

– Не твой, а наш, нечего себе родителей присваивать.

Мамочка с папочкой уже не целовались, а шли по улице к бару. Содержание гормонов в мамочкиной крови уменьшилось, хмель прошел, и можно было устроить перепалку: кого родители станут больше любить. С точки зрения Шуры, такую мямлю и рохлю, как Женька, и любить-то не за что. Женя, в свою очередь, доказывала, что грубая и несдержанная Шурка никакой радости папочке и мамочке не доставит. Это как резкий, рвущий уши звук. Долго его не вытерпишь. То ли дело приятная нежная мелодия, то есть она. Женя, вечное ублажение. Шурка говорила, что папочка не переносит слащавых песен, что мамочка равнодушна к душещипательным романсам. У них для споров было много времени. И никакого другого занятия.

3

Новенькую девушку Нина невзлюбила с первого взгляда.

– Катрин, – представилась та и оглядела Нину с ног до головы, ухмыльнулась и бросила на Сергея взгляд, в котором читалась оценка: так себе метелка.

«У них с Сережей было! – пронеслось у Нины в голове. – Раньше, возможно, долго. Как долго? Она симпатичная. Нет! Совершенно не привлекательная! Отвратительная! Маленькая злая мышка».

– Катрин? – переспросила Нина. – Это от «Катя» на иностранный лад? А я просто Нина.

Их мгновенно вспыхнувшее неприятие остальные, похоже, не заметили или сделали вид, будто не заметили. За длинным столом сидело девять человек, поздоровались с Ниной и Сергеем и вернулись к тарелкам и беседе. Сергей сказал, что голоден как тысяча китайцев, спрашивал Нину, что ей заказать. Аппетит у Нины (когда напротив сидит мышеподобная бывшая пассия Сережи!) пропал, но она подробно обсуждала блюда. Главным образом, чтобы естественно припасть к плечу Сергея, рассматривая меню, чтобы продемонстрировать Кате-Катрин, кто здесь имеет право.

Говорили о предстоящем походе на Алтай, обсуждали детали, экипировку. Катрин с ними не отправлялась (хоть за это спасибо), потому что она только вышла из больницы, где лежала со сложным переломом запястья после неудачного прыжка с парашютом.

– Вы же могли и шею свернуть, – с неискренним сочувствием заметила Нина.

– Могла, – легко и почти ненасмешливо согласилась Катрин, – но не свернула.

– Трехтысячник – это круто, – сказал жующий Сергей.

– Что? – не поняла Нина.

– Прыжок с трех тысяч метров, – пояснила Катрин.

– О!

Произнесенное Ниной междометие только глупец мог бы расценить как восхищение. На самом деле, Нина в короткое «О!» вложила: «Если вам доставляет радость падать с трех километров и ломать кости, то я затрудняюсь оценить подобное удовольствие».

– Нина, – поднялась жена Вадика Настя, – пойдем носики попудрим?

Как и во всякой компании, у них были свои словечки и фразы. «Попудрить носик» означало сходить в туалет. Однажды кто-то из ребят привел девушку, трепетную скромницу, на которую, очевидно, байки промальпов произвели большое впечатление, нагнали страхов и восхищения. Но пили пиво, физиология требовала свое. Девушка пропищала: «А где здесь можно носик попудрить?» За столом повисло недоуменное молчание – никто не мог взять в толк: если взбрело ей макияж поправлять, почему надо всех оповещать. Девушка окончательно стусевалась и чуть не плача пояснила: «Мне в туалет надо». С тех пор и пошло про носик. Особенно забавно было наблюдать реакцию непосвященных, когда рассказывали что-нибудь вроде: «Висел я на фасаде Газпрома, и тут мне жутко захотелось носик попудрить...»

Нине в компании приятелей Сергея было хорошо. Она просто, сразу и естественно взяла правильный тон. «У меня недостатка адреналина не наблюдается. Я ни за какие коврижки не

полезу на гору, не поплыву в хлипкой лодчонке по бурной реке, не буду спускаться в пещеру и прочие способы подвергать свою жизнь опасности не для меня. Но я уважаю ваши забавы и вообще отношусь с интересом ко всему, мне недоступному. Да и я не лыком шита, прочитала массу литературы и знаю о вещах, о которых вы не подозреваете, чтобы в них смыслить, надо долго учиться. Справедливо, если я надеюсь на ответное уважение к моим интересам? Справедливо. Значит, договорились». Хотя ни слова на этот счет не произнесли.

Нина до икоты хохотала над их шутками, непритворно переживала, когда случались травмы. Объясняя ей профессиональные термины или жаргонизмы, никто не чувствовал досады. Напротив, с удовольствием толковали. Умному человеку, пусть из другой оперы, рассказать о своих маленьких хитростях – только приятно.

– Брось психовать, – посоветовала Настя, когда они мыли руки. – У Сережи с Катрин давно все кончилось.

– Так заметно, что нервничаю?

– Мне заметно. У Вадика с Катрин тоже, еще до меня, было. Катка у них всеобщая, экспедиционно-полевая жена. Она не плохая, не злая и не вредная. Даже несчастная, с каждым по очереди побывала, и ни с кем по-настоящему не сложилось.

– С Сережей закончилось, когда Катрин с неба упала?

– Нина, меньше яду! Девчонка три месяца по больницам провалялась, несколько операций перенесла.

– Искренне ей сочувствую.

– А ничего поделать с собой не могу? – рассмеялась Настя. – Крепись, пройдет, по себе знаю.

Прежде судьба Нину оберегала, и она никогда не испытывала ревности. Кого ревновать? Ваню, который надежен как алфавит? У Вани две страсти – наука и она, Нина. Ване нужен покой, чтобы заниматься наукой, покой называется Нина. Никто и ничто в эту связку протиснуться не может. Нина считала себя неспособной к ревности. Такая я, мол, высокоразвитая, и низменное чувство зависти (а ревность есть зависть к чужим совершенствам) мне несвойственно. Дудки! Оказывается, очень и очень свойственно! Ревность – как веер острых ядовитых игл, которые воткнулись тебе в макушку, вошли в кровь, проскользнули по сосудам, рассыпались и застряли везде, включая кончики пальцев ног. Колются, выпускают яд по капле. И чужие совершенства тут ни при чем. Пусть бывшая пассия Сергея будет хоть уродиной косорылой, хоть первой красавицей мира! Значения не имеет. Главное – Сергей ее обнимал, целовал, шептал на ушко нежные слова. Убить за это мало! Поднять на самолете всех его бывших и кинуть на землю без парашюта!

Но, помня Настин совет, Нина загнала свои переживания глубоко, была в меру весела и непринужденна. А яд накапливался. Прорвало, когда они с Сергеем ехали в метро.

– Все-таки ужасно хвастаться такими подробностями, как покупка одежды в секонд-хенде, – не к месту, не по теме предшествовавшего разговора выпалила Нина. И удивленному Сергею пояснила: – Катрин рассказывала, как сегодня покупала старые ношенные вещи. Бр-р-р, – передернулась Нина от отвращения, – в секонд-хенде. Обноски афроамериканцев.

Сергей мог бы промолчать, пожать плечами, согласиться, наконец, с мнением Нины. Но он предпочел защитить Катрин!

– Какая разница, где одеваться? Нормальный человек думает не ГДЕ, а во что ПРАВИЛЬНО одеться. В Европе – движение зеленых давно агитирует покупать старые вещи. Сохраняются леса и прочие природные ресурсы. По-моему, очень грамотно.

– По-твоему, я повернутая на тряпках фифа?

– Разве мы говорили о тебе? – возразил Сергей, не догадываясь о глубине Нининогo страдания.

– Влюбленный мужчина, говоря о любой женщине, всегда говорит о своей избраннице, хвалит или критикует.

– Кто изрек? Шекспир? Или Спиноза? А если я расскажу о бомжихе, которая у меня сегодня утром на водку клянчила?

Нина не цитировала, про влюбленного мужчину сама, с ходу, придумала, мозг подсказал. Та его часть, которая до последнего времени бездействовала, а теперь начала самопроизвольно взрываться, как оставленный без присмотра артиллерийский склад, забытый отступающей армией.

Сергей о серии взрывов на «складе» не подозревал, решил перевести все в шутку:

– Дьявол носит «Прада». Но Бог рассекает в простой хламиде.

Поезд остановился, Нина вскочила и первой бросилась в двери. Он сравнил Катрин с божеством, с ангелом, со святой! Такое пережить невыносимо! Взрывы перешли в сплошную канонаду, сотрясающую окрестности.

Сергею пришлось догонять.

– Нинон? Что с тобой? Обиделась? За что?

Пока поднимались на эскалаторе, выходили из вестибюля, шли по улице, Сергей добивался от замкнувшейся Нины ответа. Она рвалась вперед, выдергивала руку и смотрела на него с испуганной ненавистью. Будто он чужой, пьяный домогатель, десять минут назад приставший к ней в метро.

У подъезда Нинино дома Сергей схватил ее за плечи и припечатал к стене:

– Ну, хватит! Говори, в чем дело!

Нина закусила губу, закатила глаза, удерживая слезы.

– Японский городской! Ты плачешь? Но почему?

– Если я примитивная мещанка, то отправляйся к своей травмированной парашютистке!

– К кому? – растерялся Сергей. – Какой травмированной?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, о ком идет речь. Он таращился на Нину, она смотрела на него с вызовом побитого, униженного, но не сломленного человека.

– Умора! – Сергей расхохотался и уронил голову на плечо Нины. – Ты приревновала меня к Катрин. Глупость несусветная!

– Конечно, я не соответствую твоим идеалам...

– Соответствуешь! Еще как соответствуешь! – Сергей целовал ее шею, ушко, щеку. – Вот тут соответствуешь... И тут... А тут лучше, чем у самого распрекрасного идеала...

Жизненный опыт еще не обогатил Сергея знанием, что девушки могут надувать губы, расстраиваться, пустить слезу по самым нелепым поводам, а то и без повода или по причине, которую из них не вытащишь калеными щипцами. Но Сергей интуитивно взял на вооружение лучшее оружие против девичьих чудачеств – уверения в обворожительности плюс любовный натиск.

Женя облегченно перевела дух:

– Помирились, слава богу!

– По большому счету, на пустом месте чуть не разругались.

– Шурка! Ты все-таки бесчувственная. Наша мамочка за последние пять часов пережила целую гамму настроений. Сначала она радостно наряжалась, потом тосковала, ожидая папочкиного звонка, чуть не согласилась пойти с Ваней в кино, потом возликовала, когда папочка объявился, мчалась, окрыленная, на свидание, и они та-а-ак целовались! Сейчас слабее, правда? Потому что мамочка еще не полностью оттаяла. И вдруг – бац! Приступ жесточайшей ревности, затем отчаяние из-за папочкиной глухоты...

– Все это мур! Больше бы целовались, нам бы лучше было. Во! Как сейчас, теплеет.

– Шура, сестричка! Мне кажется, тебе следует немедленно подумать об аномалиях своего развития, пока не поздно, пока ты в зародыше.

– От такой же слышу!

– Шурочка! – гормоны начинали свое действие, и Женя становилась все добрее и добрее. – Дорогая моя! Ну, какая из тебя получится женщина, если ты абсолютно безучастна к эмоциональным оттенкам в человеческих отношениях?

– Скучно мне ковыряться в этих оттенках, – призналась Шура, которую тоже стало развозить от гормонов, как от вина, и которая сознавала правоту сестры.

– Ты старайся! Напрягайся, пробуждай в себе.

– Не пробуждается, да и не очень хочется.

– Шурочка, это у тебя от бабушки Домиры, бедуинки. Вот уж кто был груб и мужеподобен.

– Мировая бабушка! На верблюдах скакала и в цель била лучше мужчин-соплеменников.

В далеком прошлом, когда голод косил племя, бедуины новорожденных мальчиков оставляли, а девочек закапывали в песок. Бабушка Халили выдала свою дочь за мальчика – Домира. Когда открылось, наступило сытое время. Не Домир, а уже Домира однако, всегда выказывала интерес к мужским занятиям. В племени считали, что боги вняли молитвам матери, то есть бабушки Халили, и вложили в девушку качества воина и охотника.

Женя и Шура размякли, блаженствовали, как всегда, когда папочка и мамочка были рядом. Совсем прекрасно – если родители в теснейшем контакте, одно целое, одно счастливое тело.

– Получится ли у них сегодня? – спросила Шура. – Мамочку и папочку ждет неприятный сюрприз.

– Так нельзя говорить. Сюрприз – это всегда приятная неожиданность.

– Нет, можно. Дедушка Соломон, когда ходил просить денег у дедушки Ерухима, делал печальное лицо и произносил: «Отец! Неприятный сюрприз, Сара опять беременна».

– Дедушки Соломон и Ерухим были ростовщиками, в словари никогда не заглядывали.

– А ты посмотри, сбегай! Заткнись и не мешай наблюдать, сейчас самое интересное начнется.

Нина еще на подходе к бару сказала Сергею, что мама уехала на дачу укутывать розы на зиму. Имелось в виду: квартира свободна, можно вместе провести ночь.

Они целовались в парадном, в лифте, на лестничной площадке, открывая дверь. Ввалились в освещенную прихожую, целуясь и кружась. Нина оказалась спиной к коридору, они застыли у вешалки. Сергей урчал от предвкушения, одной рукой прижимал Нину, другой расстегивал пуговички на ее кофте. Краем глаза увидел какое-то движение в конце коридора у кухни, поднял глаза...

– Здравсьте! – просвистел Сергей.

Нина сначала не поняла, почему он здоровается, лишь по внезапно застывшим его рукам почувствовала – что-то не так. Вывернула голову и увидела маму, в двух метрах от себя, на повороте коридора к кухне. Мама выглядела не просто обескураженной или возмущенной. Если бы Нину обнимал пластилиново-зеленый пришелец или многоголовый удав, мама изумилась бы не меньше. Нет, тогда она бросилась бы на защиту дочери, стала отрывать удаву головы или сдирать с Нины зеленую массу. Сейчас же просто являла собой гипсовую скульптуру «Родная мать, сраженная поведением дочери».

– Мамочка, ты вернулась? – глупо спросила Нина, волнообразным движением тела сбрасывая с себя руки Сергея, который поздороваться поздоровался, но от неожиданности забыл разжать объятия. – Почему не позвонила? – Нина поймала взгляд мамы на своей растерзанной кофточке и стала торопливо застегиваться.

Эмма Леонидовна не отвечала. Перевела взгляд на Сергея, и он почувствовал себя ходячей коллекцией отвратительных человеческих пороков.

Немая сцена. Все осмысливают ситуацию. И у всех троих вопросов больше, чем ответов, а ключевыми словами выступают: «не ребенок» и «двадцать пять лет».

Сергей: «Во влипли! Что она смотрит на меня как на маньяка? Нина не ребенок, двадцать пять лет, должна быть у нее личная жизнь? Тем более при своей комнате. Я бы с радостью Нинон к себе привел, но куда вышвырнешь брата Ваську? На кухню под стол? А утром Нина под прицелом взглядов моих предков пойдет в ванную, где сейчас мама кабачки соскладировала. Уйти? Извиниться, ручкой махнуть и дуть домой, пока метро не закрылось? Нет, Нина может обидеться. Не дрейфить! Что крамольное мы делаем? Не смотрите на меня, тетенька, как на врага народа. Вашей дочери я ничего плохого не доставлю, только исключительно хорошее. Нина детский сад, школу и университет закончила, взрослая девочка, ей и решать».

Нина: «Ой, как неловко! У мамы такое лицо, словно я преступление совершила. Мне двадцать пять лет, я не ребенок! Мамочка, почему ты не допускаешь, что у меня могут быть романы и отношения? Вдруг Сергей распрощается и уйдет? Только не это! Мамочка, я не хочу тебя огорчать. Почему ты не отреагировала интеллигентно? Почему не предложила Сергею чашечку кофе? Что ты смотришь на него с ужасом и отвращением? Он замечательный, я тебе потом обязательно расскажу. Мама, если выбирать между твоим огорчением оттого, что Сережа останется на ночь, и моей радостью по тому же поводу, то я выберу собственную радость. Влюбленные дико эгоистичны. Обидишься?»

Эмма Леонидовна: «Нина? Моя дочь? Он ее лапал! У порога! И у нее счастливое лицо – пьяное, отрешенное. Наркотики? Этот мерзавец втянул ее в страшные пороки? Почему Нина никогда не рассказывала, что с кем-то встречается, кроме Вани? Они познакомились недавно? Какой отвратительный тип! Смотрит вызывающе. Что делать? Вырвать из его рук доченьку? Но она, похоже, о спасении не просит. Зачем ей этот прохиндей, когда есть Ваня? Ваня знает? Как я должна реагировать? Нина не девственница, известно от Ваниной мамы, что дети три раза имели интимную связь. И теперь пошла моя Нина по рукам? Двадцать пять лет, не ребенок, за подол не удержишь».

Немая сцена длилась считанные секунды, но человеческая мысль быстрее скорости света, поэтому каждый успел принять решение.

Молчание нарушила Эмма Леонидовна:

– Не позвонила, потому что телефон разрядился. Нина! Ты... ты... – Хотелось водопад упреков и вопросов обрушить, но Эмма Леонидовна удержалась. – Ты неправильно застегнула кофту. Ужин я приготовила.

Эмма Леонидовна развернулась и скрылась за поворотом на кухню.

– Уф! – шумно выдохнула Нина.

На ее кофточке были пропущены три верхние пуговицы. В четыре руки Сергей и Нина принялись перестегивать.

– Наши действия? – спросил Сергей.

– Познакомлю тебя со своей мамой. Не бойся. Как правило, она не кусается.

– Я вообще смелый.

– Сейчас проверим.

Они вошли в кухню, держась за руки.

– Сергей, это моя мама, Эмма Леонидовна. Мамочка, это Сережа, мой близкий друг.

– Очень приятно! – изобразил поклон Сергей.

И подумал: «Эмма – собака у Вадика и Насти.

Леонид – сволочной прораб. Значит: собака плюс прораб».

У него была плохая память на имена, запоминал по аналогиям. Эмму Леонидовну потрясло бы, что ее скрестили с собакой и прорабом. Если возможно большее потрясение, чем в данную минуту испытываемое.

– Рыба и картофельное пюре, – вместо «приятно познакомиться» ответила мама.

– Что? – переспросила Нина.

– На ужин рыба и картошка, – пояснила мама.

– Спасибо, мы не голодны. – Сергей держался исключительно вежливо. – Только из кафе.

Он легонько толкнул Нину в бок – давай проявляй инициативу.

– Mamочка, мы утром обязательно на завтрак все съедем. Спокойной ночи!

Всё! Ушли. Ее дочь, державшаяся за проходимца, точно за родного, утонула его. Вместе пошли в ванную. Оттуда слышались плеск воды и веселые возгласы... Они вместе моются? Но там же тесно! И неужели они голые? Как не совестно!

Звук льющейся воды смолк, и Эмма Леонидовна услышала, как молодые прошлепали в Ниночкину комнату...

Эмма Леонидовна провела бессонную и страшную ночь. За стеной над ее дочерью неизвестно кто совершал неизвестно какие действия. Нет, действия как раз известные. Но с Ниной! Напряженный слух ловил то смех, то скрип тахты, то болезненные вскрики, то счастливые...

Подлинное мучение! Находиться в трех шагах от дочери, которая ступила на порочный путь, и не в силах вырвать ее из колеи порока! Положить жизнь на ребенка и увидеть его расщепление! Разве заслужила она холодность Нины, которая и словом не перекинулась с мамой? Видела, не могла не видеть, материнскую тревогу и страх, но не захотела объясниться, успокоить. Нина стала жестокой, неблагодарной, эгоистичной, на мать ей наплевать, хоть умри сейчас от инфаркта. Эмма Леонидовна тихо плакала от жалости. Жалко было себя саму. Столько сил вложено! Вспомнить только Ниночкины болезни. Первое воспаление легких в полгода, едва не погиб младенец, потом каждые три месяца бронхит – малышка кашляла безостановочно, короткий перерыв, и снова кашель, кашель, кашель... Сколько было врачей, знахарей, гомеопатов. Того, что заплатили лекарям, хватило бы машину купить. Но они с отцом – все для Нины, для дочери, единственной и ненаглядной. И вырвали-таки ее из лап хворей!

А ведь пожизненная астма маячила, инвалидное будущее. Да и потом себе во всем отказывали, только бы доченьку одеть не хуже других, чтобы она выглядела как принцесса. Музыкой заниматься – пианино купили, рисовать – вот тебе краски акварельные и бумага, танцевать учиться – пожалуйста, английский дополнительно – репетитора оплатим.

Нормальное, правильное и естественное воспитание ребенка, которое Эмме Леонидовне и ее покойному мужу доставляло в свое время не только хлопоты, тяготы, но и большое удовольствие (а ради чего еще стоило жить?), сейчас казалось исключительным подвигом. Поведение Нины – возмутительным оскорблением. Ночные печали и страхи всегда окрашиваются крайним трагизмом. При свете дня трагизм большей частью развеивается, но пока, бессонный, переживаешь, мир против тебя. Ни одного светлого пятнышка, яркой точки – как на беззвездном ночном небе.

Эмме Леонидовне казалось, что дочь предала память отца, которого прежде беззаветно любила. Его уход, внезапная кончина, инфаркт на работе, прямо в цеху, о переоборудовании которого он долго мечтал и добивался... Самый страшный момент в их жизни... Ниночка от горя стала почти умалишенной. А у нее защита диплома и место на кафедре предлагают, единственной со всего курса, перспективы карьеры... Пришлось ей, Эмме Леонидовне, свою боль отодвинуть, доченьку поддерживать...

Слезы лились тихо, скорбно и безостановочно. Эмма Леонидовна вытирала их краем простыни. А в соседней комнате – возня, что-то упало, пауза, хохот, снова возня. Им весело! Ее дочери весело, когда мать рыдает!

Хорошо, пусть ты меня забросила, скинула со счетов. Отца предала, светлая ему память! Но есть другие люди, обязательства. Лучшая подруга Нина, в честь которой и дочь назвали. Ниночкин сын Ваня. Замечательный мальчик! Умный, спокойный, не пьет, не курит, диссертацию заканчивает. Он мне как сын родной! Чего же большего желать, как не соединиться нам семьями? Если бы в Иване наблюдался какой-то брак, я бы первая Нину остановила. Но нет в Ванечке изъянов. О таком сыне лишь мечтать! Только Ниночка могла такого вырастить! Тоже жизнь положила, и не напрасно. Не плачет, как я по ночам, подушку не кусает. Ванечка Нину боготворит, с детства опекает, будто старший брат. Вот и муж! То есть брат, конечно, не муж. Но ведь они не родные по крови. Как теперь Ниночке-подруге и Ванечке – почти сыну – в глаза смотреть?

Куда ни кинь – всюду мрак. Шесть утра, а Нина с этим никак не угомонится. Форменное издевательство! Пойти сейчас к ним, распахнуть дверь, строго показать наркоману-проходимцу на дверь: пошел вон, подлец! Нине попенять: как ты могла отца забыть, мать предать, Ваню унизить...

Это были уже мечты. А мечтая, человек засыпает. И Эмма Леонидовна забылась сначала крепким, а потом глубоким предрассветным сном.

Они были вместе, единым телом – мама, папа и дети. Такое волшебное может повторяться, только пока они внутри мамы. И еще после рождения будут относительно долгие физические контакты с мамочкой. Если она, конечно, станет кормить их грудью. А потом – гуляйте сами.

Ауфвидерзеен, как сказал рядовой царской армии дедушка Коля, военнопленный, который в девятьсот четырнадцатом году в Германии сделал бабушку Марту немецкой баронессе бабушке Кларе. И бабушка Клара никогда в жизни не раскалась, что отдалась на сеновале беглому русскому солдату. Во всей ее женской жизни то была по-настоящему сказочная ночь.

Живущие бабушки и дедушки, мама мамочки, папа и мама папочки, для двойняшек были, конечно, персонами особыми. Те, кто станет их нянчить, баловать, заходиться от счастья – счастья острого, потому что из последних земных радостей бытия. Но если умершие бабушки и дедушки только многотомная историческая библиотека, то живущим предкам еще нужно было понравиться. А вдруг не увидят во внуках-двойняшках последнее распрекрасное счастье? Надо как-то подготовиться. Как?

Вопросы еще ждали своих ответов, а пока Шура и Женя сладко дремали, впитывая своими каждую секунду тысячами рождавшимися клетками благодатную энергию.

Пусть бабушка Эмма поплачет, успокоится и уснет. Бабушка Ира и дедушка Рустам, папочкины родители, отдыхают спокойно. Они не ждут звонка папочки, который еще в семнадцать лет отвоевал право являться домой когда хочет.

Пусть все их умершие предки мирно покоятся в могилах или пеплом летают по Земле. Пусть процветают родственники, коим счету нет во всех долях и весях.

А они, Шура и Женя, под нежное любовное воркование папочки и мамочки будут расти быстро-быстро.

4

Эмма Леонидовна проснулась как от пинка, выстрела или взрыва. Ночные страхи еще четко не всплыли, но сигнал опасности (вчера случилось что-то ужасное) подбросил ее с кровати и метнул на кухню. Не выстрел и не взрыв – Ниночкин заливистый смех разбудил Эмму Леонидовну.

Она примчалась и застыла на пороге кухни, растрепанная, испуганная, в ночной рубашке. А за столом сидел давешний проходимец, совративший дочь, поедая рыбу, пюре и овощные

консервы, приготовленные на зиму, до ноябрьских праздников, пока свежие овощи доступны по цене, обычно не открываемые. Консервированные салаты почему-то особенно резанули глаз Эммы Леонидовны. Кто он такой, чтобы лопать наши заготовки? И уж потом, после возгласа Нины, которая поперхнулась при виде мамы, пришло осознание того, что выглядит она сейчас не лучшим образом.

– Мама? – удивленно воскликнула Нина. – С тобой все в порядке? Доброе утро!

– Доброе ли? – развернулась и вышла Эмма Леонидовна.

Она оделась, умылась, заглянула в комнату дочери. Постель, конечно, не заправлена, простыни скомканы. Любимые Нинины мягкие игрушки свалены под окном небрежно и безжалостно. Еще одно свидетельство того, что с дочерью беда. Всех нас забросила! Эмме Леонидовне в данную минуту не показалось странным приравнять себя к бездушным старым куклам.

Она решительно направилась на кухню.

– Mamочка! – подхватила Нина. – Позавтракаешь? Рыба, пюре? То есть... их уже...

– Я съел, – признался Сергей. – Было очень вкусно.

– Налить тебе чаю, кофе? Сделать бутерброд? – суежилась дочь.

Эмма Леонидовна не ответила, наказала дочь молчанием. Обратилась к Сергею:

– И консервы наши понравились?

– Да, спасибо.

– Мама, это были прошлогодние, – извинилась за самоуправство Нина.

У Сергея тут же возник вопрос: «Ваши прошлогодние еще съедобные, не отравили меня?» Но дразнить гусей, то есть насупленную мамашу, он не стал. На Нину было жалко смотреть: нервничает, кружит вокруг мамы, в глаза заглядывает. Принесла нелегкая... как ее?... собака и прораб... принесла нелегкая Эмму Леонидовну. Надо бы сгладить ситуацию, поговорить о чем-нибудь умном, произвести впечатление.

– Мы тут обсуждали десять библейских заповедей, – пригласил он к разговору Эмму Леонидовну.

Она выразительно посмотрела на Нину: столь веселая тема, если ты хохотала несколько минут назад? Упрека во взгляде не поняли ни Нина, ни парень.

– Вы, молодой человек...

– Сергей, – подсказала Нина.

– У вас, Сергей, какие-то претензии к христианским заповедям?

– Весьма существенные.

Эмма Леонидовна замерла с чашкой в руке. Она еще не встречала людей, отрицавших христианскую нравственность. Такие и водятся, наверное, только в тюрьме. С кем ее дочь связалась?

«Сергей хочет произвести хорошее впечатление, – догадалась Нина. – И, похоже, перестарался».

– Запишем! – Нина с излишним энтузиазмом схватила с подоконника блокнот и ручку. – Mamочка, представляешь, я вспомнила только четыре заповеди! Итак. Не убий, не укради, не прелюбодействуй, не создай себе кумира, – записывала Нина.

– Почитай мать и отца, – не без осуждения подсказала Эмма Леонидовна.

– Верно, уже пять. А пять остальных? Кошмар! Не помним!

– Большинство не помнит, – сказал Сергей, – потому что от жизни современного человека они весьма далеки.

– Молодой человек!

– Сережа, – снова подсказала Нина.

Но мама не обратила внимания:

– Вы много на себя берете!

– Нина, у тебя Интернет подключен? – спросил Сергей и, получив подтверждающий кивок, поднялся. – Я сейчас, распечатаю текст заповедей.

Он вышел из кухни. Эмма Леонидовна повернулась к дочери:

– Что *это*! Кто *это*! Почему *это*!

В «*это*» она вложила максимум недоуменного отвращения.

– Мамочка! Сережа хороший! Очень, очень хороший! Ты увидишь.

– Увидишь? Он здесь собирается часто бывать?

– Не думаешь же ты, – нахмурилась дочь, – что я с кем попало вступаю в близкие отношения...

– Именно так я и думаю! – перебила и повысила голос Эмма Леонидовна. – Твое поведение заслуживает...

Что заслуживает, Нине услышать не довелось, потому что вернулся Сергей с листочком бумаги в руках.

– Вот, – объявил радостно, – слушайте. Текст десяти заповедей по Синодальному переводу Библии, который был опубликован в тысяча восемьсот семьдесят шестом году. Свежее не нашел, но ведь и не меняли с тех пор? Пункт первый «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом моим».

– Точно! – кивнула Нина. – Имеется в виду: не создай себе кумира.

– Нет, – покачал головой Сергей. – Про кумира пункт второй. Читаю: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им, ибо я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня, и творящий милость до тысячи родов любящим меня и соблюдающим заповеди мои». Вот так по-божески наказать за вину отцов до четвертого рода! Далее, третья заповедь. «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его напрасно». Ну, здесь миллионы проштрафились, у нас на любой стройке, на заводе или в поле и Бога, и его матушку поминают на каждом шагу...

Эмма Леонидовна покраснела, открыла рот, чтобы выразить свое негодование. Но так и осталась с открытым ртом, потому что Сергей не замечал ее возмущения.

– А теперь про субботу. Чисто еврейские дела. «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его». В нашей семье, например, никакого скота, кроме кошки, не имеется, а мама и папа с весны по осень на даче все выходные с рассвета до заката спины ломают.

– Есть такая поговорка, – Нина просительно-извинительно посмотрела на маму, которая также была подвижницей шести соток. – Бог тружеников не карает.

– Ага! – ухмыльнулся Сергей. – Народная мудрость противоречит библейским постулатам. Что и требуется доказать. Хотя далее мы еще имеем вами упомянутое: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Не поспоришь. Конспективно: «Не убивай», «Не прелюбодействуй», «Не кради», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Последняя десятая заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, – ничего, что у ближнего твоего». Все, список закрыт.

Сергей посмотрел на Эмму Леонидовну и Нину. Он лишь прочитал святой текст! Почему смотрят на него с осуждением? Эмма Леонидовна красная, как свекла, и губами беззвучно хлопает.

– Я только хотел сказать, – принялся оправдываться неизвестно за что Сергей, – про волов и рабов, про субботу и абстрактного ближнего люди не помнят, потому что это не актуально. Кроме того, список не полон. Получается, можно врать, старших не уважать, младших не беречь, детей бросать и пьянствовать. Честолюбие не осуждается, честность не приветствуется. Бескорыстие пропущено, а любые сексуальные извращения допустимы?

Нина и Эмма Леонидовна подавленно молчали. Будто Сергей совершил бестактность столь чудовищную, что и пенять за нее бессмысленно. Вот и читай с ними Библию! Называется – хотел понравиться, оригинальностью мышления блеснуть. Так блеснул, что их парализовало. Ничего не остается, как откланяться.

– Мне пора. Спасибо за завтрак. Приятно было познакомиться. До свидания!

Он пятился, отступал назад, спиной вывалился из кухни.

Нина вышла его проводить.

– Прокололся? – спросил ее Сергей.

– Бывает.

– Хочешь, договорюсь с Вадиком и Настей, они нас сегодня пустят на ночь?

Нина отказалась. У нее своя комната, по чужим углам скитаться не обязательно. Сергей выразил опасение: когда придет вечером, Нинина мама не огреет его по голове поварешкой? Нина обещала убрать подальше холодное оружие. Они целовались, прощаясь, затягивали момент. Сергей, задохнувшись от желания, кивнул в сторону Нининой комнаты – может, удалимся, время есть? С тяжелым вздохом Нина отказалась. Конечно, очень соблазнительно, но тогда мама точно получит инфаркт. Ох, как не хочется объясняться с ней! А надо.

Эмма Леонидовна ждала дочь. Нина подозрительно долго копошилась в прихожей. Целуются, наверное. Как дочь может переносить прикосновения этого морального уродца? Возможно, не только морального, но и натурального – физического. Внешне далеко не красавец, мелкий и непородистый. В сравнении с Ванечкой-богатырем – просто пигмей. Но ведь Нину что-то ослепило, отключило ее критическое восприятие. Значит, было воздействие на девочку. В журнале читала про коварных оболстителей: сначала опоят жертву или того хуже, наркотики подсунут, одурманят сладкими речами, в глубину своего якобы гениального ума затянут, потом в постели извращенными выкрутасами разбудят патологическую чувственность. И все! Девушка превращается в рабыню, которая ради милости повелителя готова даже на преступление. Сергей мало похож на профессионального крушителя девичьих сердец. Но в статье особо подчеркивалось: внешность злодея роли не играет. Известен случай, когда лилипут пять раз женился на женщинах, которым до талии не доставал. Вот уж воистину – любовь зла! Но нам, моей дочери, козла не надо!

У Эммы Леонидовны на языке крутились десятки вопросов, из которых самым главным был – какими чарами проходимец одурманил Нину? Но правильнее начинать допрос издалека, с истоков пагубной страсти, чтобы иметь точную картину, вооружиться и бороться за доченьку.

Нина с обреченным видом села напротив мамы, налила себе остывший чай.

– Где ты его нашла? Как вы познакомились? – приступила Эмма Леонидовна.

– За нашим окном, – честно ответила дочь.

– Где-е-е?

– Он висел за окном. Сережа промышленный альпинист. Помнишь, ремонтировали наш дом? Штукатурить и красить фасад пригласили промышленных альпинистов.

– Так он штукатур?

– Промышленные альпинисты, – терпеливо объясняла Нина, – выполняют жестяные, сварочные, стекольные и другие работы, вроде монтажа наружных блоков кондиционеров, спут-

никовых антенн, наружной рекламы – все на большой высоте, куда технику не поднять и только человек, кстати, с серьезным риском для жизни, может справиться.

Про риск Эмма Леонидовна пропустила мимо ушей, главное уловила:

– Этот Сергей разнорабочий?

– Он один из лучших промальпов Москвы! Мастер спорта по альпинизму.

– Но без высшего образования?

– С высшим незаконченным, – вынуждена была признаться Нина. – Бросил институт на втором курсе. Ушел в армию, служил на границе с Афганистаном, в горах, поймал многих наркокурьеров. У него есть орден!

Информация об ордене произвела на Эмму Леонидовну благоприятное впечатление. Все-таки награды, если не по блату и не по политическим мотивам, дают не всякому. Хорошо, пусть не наркоман, поскольку их ловил, но совершенно не пара моей дочери! Сказать «человек не нашего круга» Эмма Леонидовна не могла, советское воспитание не позволяло. Но суть не менялась: или Ваня, будущий академик, или монтажник-высотник. Ни одна мать не станет сомневаться в выборе. И вопрос уже следовало поставить прямо:

– Что тебя с ним связывает?

Нина растерялась (ага, сомневается, не все потеряно!), пожала плечами:

– Связывают... близкие отношения, кажется, я его...

– Уточняю. Каким образом этот Сергей добился близких отношений с тобой?

– Он, собственно... – Нина продолжала мямлить, – не сказать, чтобы активно добивался... скорее обоюдно...

– Доченька, этот тип тебя очаровал, заманил, соблазнил. Важно знать, как именно он воздействовал.

И тут Нина, с точки зрения мамы совершенно не к месту, шаловливо разулыбалась:

– Мапочка! А как папа на тебя воздействовал, что вы поженились через месяц после знакомства?

– Сравнения неуместны! Более того – кощунственны! Папа никогда бы не допустил, чтобы ты привела в дом необразованного штукатурищика, оставила на ночь и предавалась с ним извращенным утехам!

– Да почему «извращенным»?

– Потому что на иные мелкокалиберный скалолаз неспособен!

– Ошибаешься! И вовсе Сергей не мелкий!

– Маленькая собачка – до старости щенок. Комплекс коротышки! Будет самоутверждаться, коллекционируя женщин. Лилипут и пять жен!

– С чего ты взяла? Какой лилипут?

– Мой опыт позволяет судить!

– Опыт? Ты, кроме папы, никого не знала! Или о лилипуте умалчивала?

– Зато ты! Пошла по рукам! Надругалась над Ваней, связалась с каким-то висячим шаромыжником...

Слово за слово, и пошло-поехало. Они бросали друг другу в лицо оскорбления, дошли до крика, чего никогда прежде в их жизни не случалось. Бывали мелкие ссоры, дулись два-три часа, а потом счастливо мирились, прощали обидное непонимание. Теперь же схлестнулись жестоко. Эмма Леонидовна забыла о тактике постепенного возвращения дочери в нормальное русло. Нину взбесили инсинуации о Сергее, она была готова защищать его до последнего вздоха. На маму ее стремление оправдывать монтажника-высотника оказывало действие бензина, впрыскиваемого в костер. Обе настолько взвинтились, что даже не заплакали. Слезы не успевали пролиться, их высушивала горячая убежденность в собственной правоте и абсолютное отрицание доводов противника. Дожили: мать и дочь – противники!

Неизвестно, сколько бы продолжалась перепалка, но Нине было пора в институт. В ответ на мамино требование: «Чтобы ноги этого проходимца у нас не было», – Нина заявила, что сама уйдет из дома. Если подобное случится, Эмма Леонидовна поклялась наложить на себя руки.

После ухода дочери Эмма Леонидовна вдруг обессилела, точно пар спустила. Чувствуя совершенную разбитость и опустошенность, позвонила на работу, отпросилась, легла в постель. Только хуже, злые мысли как пчелиный рой, кусают со всех сторон. Встала, пошла в комнату дочери, стянула постельное белье, оскверненное пришельцем, заправила тахту, усадила к стенке игрушки. С каждой из них связаны теплые семейные истории, которые Нина ничтоже сумняшеся отбросила. Состояние Эммы Леонидовны было похоже на болезнь – внезапную и тяжелую.

Нина тоже чувствовала себя больной, ее знобило. Чуть не попала под машину, переходя улицу, потому что не замечала ничего вокруг. Пережитый приступ агрессии оставил мутный осадок. Ссора – это болезнь, отравление. Отравление души. Симптомы как после обеда из несвежей рыбы.

Но в отличие от мамы Нина скорее поправлялась. Она была влюблена, и ее отравление души лечилось мысленными диалогами с Сергеем, который (гипотетически) находил сотни аргументов в защиту Нины. И когда она входила в институт, тухлая отрыжка почти прошла.

У Эммы Леонидовны, кроме дочери, никого не было. Поплакаться подруге Нине, конечно, можно. С другой стороны, не следует забывать, что мать Вани воспримет поступок Нины как оскорбительное предательство ее сына. Кого в данной ситуации утешать и успокаивать – еще вопрос. Эмма Леонидовна была одинока в своем горе, и поэтому в ее сознании горе разрасталось до космических величин.

Когда перед мамочкой с визгом затормозил «жигуленок», из окна высунулся водитель и обругал мамочку, двойняшки испуганно съезжились. Чуть не убились!

Болтушка Женя безмолвствовала, переваривала ссору мамочки и бабушки Эммы. Шура привыкла, что сестра что-то глупое брякает, а она, умная и трезвая, критикует. Первой заводить разговор оказалось сложно. Но тягостное молчание сестры на Шуру действовало еще хуже. Хотелось полемики, словесной баталии, а эта недотепа как в рот воды, то есть околоплодных вод, набрала.

– Что особенного? – как бы саму себя спросила Шура. – У наших предков пятьдесят на пятьдесят...

И заткнулась, ожидая, что Женя поинтересуется, о какой статистике идет речь. Но сестра не откликнулась. Пришлось самой пояснять, развивать мысль.

– Пятьдесят на пятьдесят в семьях принимали избранника или избранницу с распростертыми объятиями или в штыки. Какую страну, эпоху ни возьми – везде одинаковая картина. Что у бедуинов, что у монголов, что в Испании, что у тевтонов. Евреи, славяне, германцы, индейцы, камчадалы – нет отличия. То свекровь невестку поедом ест, то тесть зятя гнобит. Бабушка Изольда с бродячим циркачом сбежала. Не так уж она акробата любила. Просто не выдержала занудства бабушки Берты. И вдобавок дедушка Стефан, свекор называется, все норовил в темном углу зажать и под юбку залезть. А в калужской деревне дедушка Евдоким и вовсе зятя топориком по темечку огрел. Раздражал его зять до красного марева в глазах, потому что был ленив и вечно носом шмыгал, сопли втягивал. Из-за убийства сопляка великовозрастного жизнь дедушки только наладилась. В ссылке дедушка Евдоким женился на тунгуске, настрогал семь тунгусят и был счастлив. Так что – не угадаешь, как карта ляжет. Чего ты молчишь? Язык проглотила, которого у тебя нет, или слезы льешь, которым неоткуда капать? Женька! Не молчи! – просительно пробормотала Шура. – Ты не померла? Еще отравишь меня трупным ядом.

– Я страдаю, – прошептала Женя.

– По причине? Чего ты хочешь, скорбная?

– Хочу, чтобы все люди жили счастливо и любили друг друга.

– Так не бывает. Тогда человечество превратится в стадо меланхолических кастрированных животных или мир станет копией сумасшедшего дома, в котором заправлял дедушка Вадим.

– Он был гениальным химиком и одним из первых русских врачей-психиатров!

Шура обрадовалась тому, что сестра оживилась, и ринулась в словесный бой:

– Это еще вопрос, как у дедушки Вадима обстояло с головой. Изобрел средство, которое превращало буйных умалишенных в вечно радующихся детей. И поил этим наркотиком всех больных без исключения. На людях опыты ставил! В его клинике пациенты с застывшей улыбкой на лице и негой во взоре друг с другом в ладошки играли. Но при этом испражнялись в штаны, как младенцы, и хныкали, когда задерживалось кормление.

– Прогресс медицины невозможен без опытов! Наш ацтекский дедушка Кетцатль никогда бы не стал выдающимся жрецом-целителем, если бы в детстве не потрошил лягушек и тайно не резал мертвецов. Когда дедушка Рустам, папочкин папа, приехал в Мексику и смотрел в музее на археологические каменные головы – пособия по трепанации черепа, – ему и невдомек было, что их приказал изготовить далекий предок.

– Не сбивайся, не уходи от темы. Вечно тебя в сторону относит. Кто чего про своих предков не знал и не знает – отдельная статья. Да ничего они не знают! Помнят маму, папу, дедушек, бабушек, в лучшем случае – о прадедах слышали. Как будто до прадедов только обезьяны были!

– Не уходи от темы, – вернула упрек Женя.

– Я всё о том же. Мы горевали из-за того, что бабушка Эмма не оценила поразительных достоинств нашего папочки. Ведь ты, Женька, горевала? Признайся!

– Кому будет приятно, если мамочку поставят меж двух огней? По большому счету, на женщинах держится человечество. Мужики, конечно, аэроплан изобрели и стиральную машину, закон сохранения энергии открыли, органическую химию на службу поставили, войны выигрывали, на самую высокую гору поднимались, в океанскую впадину ныряли, а потом у них сосуды как шарик рвались...

– Да! – с завистью вздохнула Шура.

– Но итог-то? Женщина – основа всего. И очень хорошо, что мы с тобой женщины. Будем сидеть дома, в созданном для нас комфорте и уюте, воспитывать детей, пользоваться благами цивилизации, согласна – блага придумали мужчины, но по нашей подсказке или требованию. Ах, как хорошо, что мы девочки! Шура? Ау! Ты чего притихла?

– Не ощущаю, – тихо ответила Шура, а потом повысила голос. – Ну, на хрен, не ощущаю в себе грядущего удовольствия от сидения перед телевизором с вязанием. Представлю, что я беременная – бр-р-р! Смотрю идиотский сериал и вяжу пинетки. Лучше вообще не рождаться!

– Ой, Шурка! Вдруг ты нетрадиционной ориентации? Ты чувствуешь влечение к мальчикам или к девочкам?

– А ты?

– Определенно к мальчикам. Шурка, говори! К кому тебя тянет?

– И к тем, и к другим, но по-разному.

– Мутантка! – ахнула Женя.

И невольно подумала, что у папочки и мамочки будет хотя бы одна правильная дочь, то есть она, Женечка. Подавила в себе хвастливые речи, принялась утешать сестру и рассуждать о том, как исправить Шуру еще до рождения.

Шура опечалилась, потому что когда в тебе хотят исправить то, что тебе исправлять совершенно не хочется, жизнь (пусть еще внутриутробная) становится безрадостной.

Женя и Шура могли бы, конечно, припомнить всеядных в сексуальных пристрастиях дедушек и бабушек из Древних Греции и Рима. Но это до новой эры подобные выкрутасы считались нормой, а сейчас на них косо смотрят.

5

Ирина Леонидовна, мама Сергея, перерабатывала кабачки, рекордный урожай которых служил предметом ее гордости. Сегодня у нее по расписанию только пятый и шестой уроки в десятых классах, их попросила учитель литературы, чтобы дети писали сочинение. На работу не идти. Надо законсервировать кабачковую икру, хоть часть плодов переработать. Они, снарядовидные крепыши, захватили всю квартиру, даже в ванную пришлось складировать.

Сергей вошел в кухню, превратившуюся в горячий цех. На плите что-то булькает в большой кастрюле, перевернутая дном вверх банка стерилизуется в стареньком чайнике с заткнутым тряпчочкой носиком, батарея чистых банок выстроилась на подоконнике. Обеденный стол заставлен мисками, плошками с овощным содержимым, сбоку притулились разделочные доски, на которых параллельно шинкуется морковь, лук, зелень. Мама, раскрасневшаяся, в фартуке, с прилипшей ко лбу челкой колдует над процессом. Повернулась к сыну, ответила на «Привет!» – и снова стучать ножом.

Нет, все-таки в ее глазах мелькнуло невытравляемое беспокойство о старшем сыне. Он не отчитывается о своем времяпрепровождении. Прошел через мамин слезы (как я могу быть спокойна, не зная, где ты и что с тобой?), через отцовский гнев – сжатые кулаки, раздутые ноздри, пляшущие желваки и зримое желание накостылять Сергею, чтобы тот навсегда забыл, как мучить их бессонными ночами. Батяня удержался от рукоприкладства. Правильно сделал. У них есть младшенький, Васька, пусть на нем исправляют ошибки воспитания.

– Будешь завтракать? – спросила мама.

– Нет, спасибо!

– Накормили, – заключила она.

Ирине Леонидовне очень хотелось знать, в чьей постели провел сын ночь, кто его утром поил кофе и подавал яичницу. Но спрашивать бесполезно. Сергей не расскажет. В лучшем случае – отшутится, в худшем – замкнется.

Он планировал поспать, часа три может законно себе позволить. Но почему-то не вернулся, не ушел, а предложил:

– Мама, тебе помочь?

Ирина Леонидовна посмотрела на него внимательно. Давно усвоила, что в хозяйственных хлопотах мужчины (отец, муж, сыновья) инициативы не проявляют. Они, конечно, повесят люстру или карниз, починят текущий кран или искрящую розетку, прибьют отстающий плинтус, за который три года грязь набивается, или паркетную доску, о которую каждый раз спотыкаешься. Но все эти подвиги совершаются после многократных напоминаний, просьб и увещаний, после череды обещаний, после бесконечных «завтра – обязательно!».

– Была бы тебе благодарна, – ответила Ирина Леонидовна. И про себя подумала, что сын, наверное, хочет денег попросить.

Она освободила край стола и предложила Сергею почистить и порезать полукольцами репчатый лук. Через пять минут Сергей плакал едкими луковыми слезами. Наверное, благодаря им расчувствовался и, шмыгая носом и вытирая тыльной стороной ладони глаза, рассказал, что ел недавно домашнего консервирования салат, очень вкусный. Ирина Леонидовна спросила, кто готовил. Мать моей девушки, ответил Сергей. Ирина Леонидовна замерла от радостного предчувствия: неужели сын допустит в свой интимный мир, куда обычно дверь закрыта наглухо.

Ее ожидания не оправдались. На вопрос: «Что у тебя за девушка?» – Сергей отделался расплывчатым: «Нормальная девушка». И неожиданно спросил:

– Мама, если бы тебе человек заявил, что считает десять библейских заповедей устаревшими, как бы ты к этому человеку отнеслась?

– Я бы постаралась, чтобы он забыл дорогу в мой дом. Это ты своей девушке заявил?

– И ей в том числе. – Сергей втянул носом слезы.

Вышло очень трогательно, будто сын рыдает, но не раскаивается в дурном поступке. Так случилось, когда Сережа учился в младших классах.

Он вытер руку о штаны, достал из кармана смятый листок:

– Вот эти заповеди. Скажешь, актуальны? Ерунда. Вредная ерунда!

Ирина Леонидовна преподавала в школе историю. Когда-то мечтала о научной карьере, но замужество, рождение детей, бытовые тяготы заставили отказаться от честолюбивых планов. Бросив взгляд на машинописный текст, она сказала:

– Человек может не верить в Бога, но издеваться над верой других не имеет права. Неверие чаще всего бывает следствием невежества. Подай мне миску с морковью. Наверное, это моя вина – твоя дремучесть в истории религии. Еще три луковицы порежь. Разницу между Ветхим и Новым Заветами знаешь? Нет? Хочешь, расскажу? Помешай в кастрюле. Однажды, когда вокруг Иисуса собралось много людей, он поднялся на склон горы, сел там и стал говорить. Это была величайшая речь в истории человечества. Нагорная проповедь. Изложение сущности христианской морали, ее отличия от древней иудейской, тех самых постулатов, что ты распечатал. Сними банку с чайника, поставь другую. Осторожно, не обожгись. Заповеди Иисуса стали называть Заповедями блаженства...

Она рассказывала о том, какой глубокий смысл кроется за каждой фразой заповедей, какое громадное значение они имели и имеют в нравственной эволюции человечества. Прерывалась, чтобы дать сыну распоряжение: морковь потереть на терке, снять кастрюлю с огня. И сама, говоря о высоких истинах, выполняла простые действия: обжаривала лук на масле, складывала овощную массу в банки, закрывала их крышками...

В этом не было профанации обсуждаемой темы. Мать и сын одинаково чувствовали серьезность предмета разговора. Но если бы говорили не так, как сейчас, по ходу бытового консервирования, а специально, сосредоточенно, отдельно, то пафос темы неизбежно вызвал бы скепсис. Современные люди впитывают информацию наскоком и налетом, выводы предпочитают делать сами.

Но когда Ирина Леонидовна закончила говорить, Сергей поинтересовался совершенно иным, далеким от религии.

Опускал в кипящую воду винтовые крышки, обжег палец, сунул его в рот и прошамкал:

– Мам, зачем эта кулинария? Разве не можем себе позволить в магазине купить консервы? Почему вы горбитесь на даче полгода, потом перерабатываете урожай до упаду? Ради чего? Время-то не голодное.

– «Вы» – это кто? – уточнила Ирина Леонидовна.

– Ты и... и мать Нины, моей девушки. Ты преподаватель, она инженер, образованные, относительно не старые. Что вас гонит на продовольственные подвиги?

Ирина Леонидовна отметила про себя: значит, девушку зовут Нина, ее мама инженер, имеют дачу...

Ответить сыну прямо и честно было невозможно. Он еще молод, чтобы понять. Можно вспомнить, как в начале девяностых в продовольственном магазине напротив их дома неделями был приглашен свет, а в стеклянных витринах на расстоянии метра друг от друга стояли бутылки с уксусом. И всё! Те, у кого были дачи, оказались в выигрышном положении. Земля не спрашивает, какое у тебя образование. На грядках сидели все: и академики, и слесари. Их

соседи по даче, доктора наук, научились выращивать картошку и солить огурцы. Страх, что дети будут голодать, – удар по психике, от которого не скоро оправишься.

Хотя, конечно, этот довод Сергей легко разобьет и будет прав. В магазинах давно полки ломятся. Но главная причина сыну точно недоступна, да и озвучивать ее язык не повернется. Ведь не скажешь: видишь ли, мой мальчик, в жизни счастливой, благополучной женщины после сорока, верной жены и хорошей матери, происходит кризис потери удовольствия. Цели – сохранение и поддержание семьи – не исчезают, но уже теряют свою остроту. Сыновьям хочется самостоятельности, и ты вынуждена бить себя по рукам, не настырничать, не вникать в каждую их проблемку. Мужчины должны уметь преодолевать трудности. Ухватившись за мамину юбку, этому не научишься. Муж. Единственный и до гроба. Практически слепок с тебя самой. Как один организм, передвигающийся на четырех ногах в двух ипостасях. Ему больно – тебе плохо, у него дурное настроение – твое падает. Но и собственные, и от соседнего организма перепады самочувствия давно потеряли остроту переживаний.

Далее получается анекдотическая глупость: большая любовь ушла, дети выросли – и я пошла огород копать. Но так и есть на самом деле. Человек хочет испытывать удовольствие – собственное и личное, не связанное с волей других, даже самых близких людей. Я делаю именно то, что мне приятно, и получаю удовольствие. Да, копаюсь в земле. Как и тысячи, если не миллионы, моих сверстниц. Нам доставляет радость из сухого зернышка вырастить двадцать килограммов томатов, из маленького клубня – роскошный куст пионов. Это ведь тоже акт рождения...

– Мама? Почему ты не отвечаешь?

– Извини, задумалась. Мысленно перечисляла доводы. Если сразу к итогу, то нам нравится. Точка.

Сергей усмехнулся:

– Очень убедительно!

Ирина Леонидовна вытерла руку о фартук и, улыбаясь, взлохматила ему волосы:

– Малыш! Надо с уважением относиться к чужим пристрастиям, не пагубным, конечно. Мы с папой совершенно не способны понять, что за удовольствие ты получаешь, карабкаясь в гору. Но коль тебе это нравится, то мы принимаем и уважаем твой выбор. Если ты не видишь, как можно получать удовольствие от разведения цветов и выращивания овощей, то проблема не в самом занятии, а в этой головке, – она легонько стукнула сына по лбу, – которая очень умная, но еще недоразвитая.

– Я уважаю! – Сергей легко подхватил шутливый тон. – Особенно уважаю твои маринованные огурцы и кабачковую икру!

– Тогда начинай складывать ее в банки.

Ирина Леонидовна радовалась неожиданному и редкому подарку – доверительному и теплему общению со старшим сыном. Поделилась трудностями роста младшенького, Василия. На днях он заявил учителю математики, что не сделал домашнее задание, потому что в их квартире появились крысы, которых он весь вечер с родителями отлавливал. В учительской на перемене математичка выразила Ирине Леонидовне соболезнование. А та не могла понять, о каких крысах идет речь, и обе выглядели как персонажи эстрадного юмористического представления. Васька лукавит на каждом шагу. Но зачем он врет, если обман обязательно, неотвратно и быстро раскроется?

– Синоптик! – рассмеялся Сергей.

– Почему? – поразились мама.

– Врет регулярно, как синоптик.

– Метеорологи ошибаются. А твой брат обманывает сознательно.

– Васька по натуре экспериментатор и провокатор. Провокатор – не в смысле предатель, а типа: возбудить и посмотреть, как трепыхаться будут. Залез в мой рюкзак, вытащил шоколадку

и слопал. Кто, говорю, тебе позволил в моих вещах ковыряться? Я, отвечает, и не видел, где лежит твой рюкзак. Рот в шоколаде, фольга из кармана торчит, а он на голубом глазу: не брал, не ел, ничего не знаю, моя хата с краю. Далее, как ты понимаешь, последовало короткое и эффективное педагогическое воздействие... Мам, куда готовые банки ставить?

– Под окно, крышкой вниз переверни. Ты побил Василия?

– Естественно! В финале спрашиваю: «Чего ты врешь, как придурок недоразвитый?» Васька не робкого десятка. «А ты, – говорит, – придурок доразвитый». Пришлось еще немного повоспитывать, пока правду не услышал. Ему, мама, интересно.

– Что интересно?

– Врать, лукавить и смотреть на реакцию.

– Это отвратительный, извращенный интерес!

– А как насчет уважения к чужим пристрастиям? Да ты не волнуйся. Это у него период, пройдет. Помнишь, как Васька с друзьями рисовали фашистскую свастику в подъездах? Ты его увещевала, отец бушевал, на классном собрании песочили, а им хоть бы хны. Соседний дом разрисовали. Я предлагал выпороть их так, чтобы месяц стоя учились. Ты сказала – не надо. Собрала пацанов и показала документальный фильм о зверствах фашистов во время войны. Как ножом отрезало желание мерзкие граффити малевать.

– Но что теперь делать, я не представляю! Ты, например, никогда не врал...

Договорить им не удалось, потому что неожиданно пришел Рустам Иванович. И жена, и сын мгновенно по его лицу поняли: находится в крайней степени злости.

– Что за кошеварню устроили? – спросил раздраженно Рустам Иванович. – А ты, сыночек, конечно, не на работе?

– А я вообще лентяй и лежебока, – заверил Сергей. – Здравствуй, папа! Позволь?

Сергей протиснулся мимо отца и вышел. Тихо пробормотал по дороге в свою комнату:

– Ты, родной, тоже не на службе. Что б тебе не сидеть в офисе и не рисовать бассейны?

А ты домой приперся в два часа дня.

Рустам Иванович работал в фирме, которая строила и обслуживала бассейны.

Взаимоотношения Сергея и папы за двадцать семь лет претерпели большие изменения. Отец был объектом щенячьей привязанности в глубоком детстве, абсолютным кумиром и образцом для подражания лет до пятнадцати, раздражающим начальником с вечными придирами в юности. Когда Сергей бросил институт, они вдрызг разругались, несколько месяцев практически не общались, только в крайнем случае перекидывались несколькими словами. Отношения потеплели во время службы Сергея в армии. Приписки отца в маминых письмах, ироничные и одновременно несущие заряд крепкой мужской поддержки, очень помогли Сергею, особенно в первое время.

Ныне отец и сын сохраняли нейтралитет.

Рустам Иванович: «Ты не оправдал наших надежд. Мы сына растили не для того, чтобы он пилил верхушки деревьев или висел на доме с малярной кистью».

Сергей: «Как мне жить, буду решать только я сам. На твои, папа, шаблоны и представления равняться не стану. Извини!»

Ирине Леонидовне часто приходила в голову мысль – то ли где-то вычитанная, то ли собственная, в минуты отчаяния возникающая, когда муж с сыном сходились в баталии словесной – два взрослых мужика не могут сосуществовать в одной семье. Мать с сыном проживет, и счастливо. Нестарый отец и взрослый сын обязательно схлестнутся, как два самца в одной стае. Они готовы отдать жизнь друг за друга, но поступиться своей свободой, или мнением, или в запале брошенным лозунгом – никогда. Все понимают, страдают, а на компромиссы не идут.

Она опустила голову, чтобы муж не увидел в ее глазах разочарование: ты помешал моему общению с Сережей. Быстро убирала со стола.

– Рустамчик, пообедаешь? Садись. Что у тебя случилось, дорогой?

Подняла глаза, в которых уже было только сочувствие – у мужа неприятности.

Рустам Иванович не ответил. Его мрачный вид – нахмуренные брови, зло поджатые губы, резкие жесты – мог навести на мысль, что во всех бедах виновата жена. Вот она суетится, на стол накрывает, грехи замаливает. Ирина Леонидовна прекрасно знала, что ни в чем не виновна. Но так же точно знала, что ей придется принять на себя мужнин гнев.

Он съел суп и второе, оттаял и за чаем рассказал о случившемся. Пятичасовой автодорожный стресс. На выезде из туннеля машина намертво заглохла. А в этот момент он как раз перестраивался. Загородил два ряда из трех. Пробка образовалась чудовищная, в час пик и в центре Москвы. Дождь, вонь выхлопных газов, вопреки протестующим автомобили. Дозвониться в автосервис не мог. Прибыли гаишники, обложили его диким матом. Правда, остановив движение, помогли оттащить автомобиль на обочину, потому что в пробке застрял кортеж какой-то шишки. И штраф не забыли выписать. Автомобиль Рустама Ивановича стоял криво. Эвакуатор приехал только через три часа. За это время в заднее крыло дважды стукнули. Опять пробки, гаишники, страховщики – врагу подобного не пожелаешь. Машину теперь ремонтировать, важное совещание на работе пропустил, новые туфли, в которых месил грязь на газоне, пропали окончательно...

Ирина Леонидовна сочувственно мотала головой, охала и ахала, говорила, что все это кошмарно, что мужу, бедняжке, досталось. А про себя невольно думала: «Ведь никто не погиб и не ранен, к счастью, без жертв обошлось. Конечно, нервотрепка. А в девятом «А» уроки вести – не нервотрепка? Сейчас он пойдет отдыхать. В одной комнате будет спать сын, в другой – муж. Мне же мыть посуду, готовить ужин и постирать обязательно. Спина отваливается и очень хочется книгу дочитать».

Глава 2

1

Сразу две потрясающие новости! Шурка оказалась мальчиком, и мамочка поняла, что беременна.

– Нет, ну, как можно? – неприкрыто ликовала Женя. Ведь это с самого начала ясно, повезло тебе с женским полом или не повезло!

– Ты виновата! Мы девочки! Мы девочки! В извращенцы записала! Внушила мне, затюкала – исправляйся, воспитывайся! Вот я и прохлопала, в смысле – прохлопал.

– Чем? – продолжала веселиться Женя. – Чем прохлопал: ушами или этим самым? Оно у тебя отрастет и будет висеть между ногами. Всю жизнь! Кошмар!

– Никакого кошмара! По-твоему, лучше, когда на торсе две сиськи бугрятся и болтаются?

– Значительно лучше! – уверенно ответила Женя.

Шурка еще пребывал в растерянности от сделанного открытия, чем сестра мгновенно воспользовалась, всячески демонстрировала свое превосходство, главенство. Заявила, что если Шурка за месяц не мог понять, какого он пола, то с мозгами у него плохо. Для девочки был ущербен и для мальчика не ахти. Поэтому пусть ее, старшую сестру, во всем слушается и повинуется.

Этого Шурка стерпеть не мог! Мы еще посмотрим, кто здесь старший! Да у него, если разобраться, большие мужские преимущества. Не придется косы заплетать, вязать на спицах, красить физиономию, рожать, ходить на шпильках, страшиться, что подкладки кончились, или забеременела, или потолстела, или плохо подстригли, или колготки порвались, или на вечер не в чем идти, или... или... или ряд недостатков бесконечен! Зато он, Шурка, может, как папочка, заниматься спортом, ходить в походы и ездить на охоту, рыбачить, бить морды обидчикам и выражаться, как хочется.

Ни одно из этих так называемых преимуществ на Женю не произвело впечатления.

– Вот ты сможешь, например, – кипятился Шурка, – поднять сто килограммов?

– Зачем? Для этого будешь ты. Как говорится, сила есть, ума не надо.

И опять стала трюндеть, что Шурке не хватило ума сообразить, что он мальчик. Но у Шуры уже имелся ответ.

– Дедушка Эрнст Геккель! – победно заявил Шурка.

– А что Геккель? Шарлатан!

История с немецким дедушкой, жившим в середине девятнадцатого века в городе Йена, запутанна. Эрнст Геккель был большим поклонником дарвиновской теории эволюции. И решил внести в нее свою лепту, доказательств подбросить. Опубликовал рисунки эмбрионов рыбы, саламандры, черепахи, цыпленка, кролика и человека – поразительно похожих. Получалось, что человеческий зародыш проходит через стадию рыбы (у него есть жаберные щели), амфибии, рептилии и так далее. Коллеги Геккеля уже тогда обвинили дедулю в подлоге, он попросту подрисовал детальки эмбрионам, чтобы они больше смахивали друг на друга. Человеку, например, вдвое удлинил нижние позвонки, чтобы походило на собачий хвост. На самом деле, у человеческого эмбриона никакого хвоста нет, позвоночник на всех стадиях имеет тридцать три позвонка. А «жаберные щели» – лишь складки тканей гортани.

Эрнста Геккеля коллеги обвинили в научном мошенничестве, и он был вынужден покинуть университет Йены. Но его теория и, главное, рисунки пользовались большой популярностью. До сих пор их можно встретить в учебниках биологии и в энциклопедиях. А средне-статистический атеист уверен, что проделал внутриутробный путь от амебы до обезьяны. С

другой стороны, посмотреть на реальные фото эмбрионов на ранней стадии – только слепой не отметит принципиального сходства.

Казалось бы, Шура и Женя должны точно знать, как обстоит дело. Но они были еще слишком малы, меньше сантиметра каждый, да и зрение отсутствовало. Кроме того, двойняшки обладали только знаниями предков, а среди них эмбриологов после Геккеля не имелось.

Шурка вспомнил дедушку Эрнста, чтобы донести простую мысль: уж ученые ошибаются, а он тем более право имеет. Мнения двойняшек разделились: Шурка был, естественно, за Геккеля-материалиста, а Женя – сторонницей божественного происхождения человека. Она возмущенно говорила:

– Если тебе нравится полагать, что ты сейчас рыба, а потом станешь лягушкой, птицей – пожалуйста! А у меня хвоста быть не может! Не забудь свой отбросить. А то уродом на свет появишься, мамочку напугаешь.

– О, темнота! Мракобесие! Точно бабушка Клава, которая огурцы килограммами ела, чтобы мальчика родить, поносами страдала. И пятерых дочерей на свет произвела. Женька, ты отсталая кулёма! Двадцать первый век! Э-волю-ци-я! – по слогам и оскорбительно насмешливо произнес Шура.

Женя позиций сдавать не собиралась, но почему-то чувствовала, что брат настырно берет верх. Только вылупился, из девочек в мальчики переделался, и уже командует. Ученые диспуты с ним вести решительно не хотелось. Женя была в них не сильна, поэтому прекратила спор в истинно женской манере:

– Не хочу больше об этом говорить! У меня от твоих воплей голова начинает болеть. Не мешай! Дай за мамочкой понаблюдать. Бедненькая, уже третий тест на беременность расходует. Шурка, а ведь мамочка не очень рада?

И на третьей полосочке теста две линии ясно вырисовались. Точность девяносто девять процентов, как пишется в аннотации к тесту. Значит, она беременна? Не может быть! Ощущения такие, что месячные вот-вот начнутся. Уже две недели такие ощущения, каждое утро напоминает себе – прокладки не забыть в сумку положить.

Вчера Нина купила тест на беременность, так, на всякий случай. Утром он показал положительный результат. Сбегала в аптеку, купила еще пять тестов. Девушка-провизор посмотрела на нее сочувственно:

– Не тратьте деньги, от количества анализов результат не меняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.